

Вадим Дементьев

Наследники Ексекюляха. Интеллигенция Якутии



Вадим Валерьевич Дементьев

Наследники Ексеюляха.

Интеллигенция Якутии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8658153
Наследники Ексеюляха. Интеллигенция Якутии: ИТПК; Москва; 2009
ISBN 978-5-88010-257-0

Аннотация

Настоящее издание на примере творчества выдающихся представителей интеллигенции Якутии, создавших национальную культуру, обогативших мировую цивилизацию бесценным образцом устно-поэтического творчества – эпосом олонхо, сохраняющих и продолжающих развивать лучшие традиции народа, знакомит читателя с самобытной, древней и современной культурой Якутии.

«Якутия – это царство льда и холода, морозильник планеты, в котором северный человек остался жив только благодаря теплоте своего сердца» (Суорун Омоллон).

В книге освещаются важнейшие темы современной российской общественной жизни – взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур Российской Федерации.

Автор, заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия), лауреат Большой литературной премии, учрежденной компанией «АЛРОСА», удостоенный наград и почетных грамот президента и правительства РС (Я) Вадим Дементьев, с большой любовью и сердечной признательностью к братскому народу, создает правдивые, яркие, запоминающиеся сюжеты работы интеллигенции Якутии и повествует о достижениях ее в развитии культуры и искусства.

Содержание

Время восстановления, или «поэт поэту есть кунак»	5
Земля единения душ. Беседа с писателем Владимиром Карповым	10
Уроки Якутии	15
Ночной разговор с профессором Башариным	22
Осторожно: Елена Масюк!	29
Мы – северяне!	31
Голова сохатого	35
«Бурно прожить, жадно дышать...» Алексей Кулаковский	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вадим Дементьев

Наследники Ексеюляха.

Интеллигенция Якутии

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной программы «Культура России».

На обложке книги воспроизведен фрагмент картины действительного члена Российской Академии художеств Афанасия Осипова.

© В. В. Дементьев, 2009

© Издательство ИТРК, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Время восстановления, или «поэт поэту есть кунак»

Россия – одно из самых многонациональных государств мира. У нас проживают более 150 народов и народностей. Исторически мы имеем немало проблем, связанных с национальными отношениями. В последние десятилетия Советской власти в результате последовательной политики государства, ставившей главным принципом – дружбу народов, многие из национальных противоречий не имели конфликтной основы, разрешались на стадии их зарождения.

После 1991 года, и еще раньше в годы перестройки, с потерей государством рычагов управления, межнациональные конфликты своевременно не разрешались, а зачастую, наоборот, провоцировались. Некоторые из них вылились в кровавую стадию, вызвавшую немало человеческих жертв. Погибли миллионы наших бывших и нынешних соотечественников.

В начале и в середине 90-х годов российскими законодателями предпринимались неоднократные попытки юридически сформировать основы новой политики в сфере межнациональных отношений. Была даже принята соответствующая программа, правда, оставшаяся, в основном, на бумаге (кроме образования общественной Ассамблеи народов России). Отдельные законодательные акты преследовали узкие цели в развитии межнациональных отношений.

По сути, у нас не осуществляется внятная национальная политика. Соответствующие министерства сменяют друг друга, вплоть до их упразднения. Русский государствообразующий народ, составляющий по последней переписи 80 процентов населения не имеет никакого юридического государственного органа, призванного сохранять традиции, поддерживать интересы русской нации и развивать ее культуру. Малые народы Севера и Дальнего Востока, по сути, вымирают. В стране в тлеющем состоянии находятся многочисленные межнациональные конфликты, ликвидация их отложена, но в большей части причины их не разрешены. Растет агрессивность на межнациональной почве разного рода молодежных объединений. По всем социологическим опросам в современной России, как на дрожжах, поднимают голову ксенофобские инстинкты и настроения. Общество заражено бациллами русофобии, кавказофобии, антисемитизма. Национальная нетерпимость перекинулась в самую массовую и специфическую сферу общественной жизни – в религиозные отношения.

Всё это представляет собой огромную угрозу существования страны, является подрывом ее будущего. Самое многонациональное государство в мире, еще совсем недавно гордившееся решением национального вопроса в той форме, в которой он достался нам от прошлого, растеряло в своем демократическом продолжении многие завоевания в этой области и сегодня не служит светочем человечеству на дороге межнационального единства и дружбы.

Хотя государство предпринимает робкие попытки создать хотя бы небольшие структуры по национальным проблемам. Например, провозглашена объединенная комиссия Совета Федерации и Совета законодателей по национальной политике. Президент сказал: «Это очень важное направление...». Но где она, эта комиссия? Где ее работа?

Министерством регионального развития России разработаны предложения по механизму реализации концепции новой государственной национальной политики Российской Федерации. Куда пропали эти предложения? Исчезла из поля зрения и сама концепция.

Государственная Дума приняла десять лет назад федеральный закон, касающийся самой многонациональной страны, и поэтому самой проблемной в мире – закон о национально-культурных автономиях. Согласно ему, возникли сообщества граждан, объединяющихся исключительно по национальному признаку, по языку, по крови: карелы – отдельно, татары – отдельно, буряты – отдельно. К такому атомарному, разбитому на этнические страты гражданскому обществу нас постоянно приучают.

В этой связи сошлюсь на другой законопроект о родственных общественных объединениях граждан – о землячествах. Родственные они только по форме, а по содержанию – прямо противоположные. Землячества возникли на пустом законодательном поле, были, так сказать, прямым творчеством масс. В лучших российских традициях они формировались отнюдь не по этническим признакам, не по политической принадлежности, даже не по принципу рождения на той или иной территории. Но стоило постучать в законодательные двери с предложением внести в федеральный закон «Об общественных организациях» хотя бы упоминание о такой форме общественного объединения, как «землячество», то есть назывным путем законодательно легализовать массовое в стране движение, как тут же последовал отказ. Законопроект даже не был принят к рассмотрению.

Всё, что сплачивает общество, всё, что направлено на развитие дружбы народов, на взаимообмен между национальными культурами сегодня активно блокируется, и не видеть этого, – значит, быть слепым.

Приведу по этому поводу типичный пример. В Махачкале открыли мемориальный комплекс братской признательности русскому народу за помощь и поддержку в XX веке дагестанских народов. В центре – прекрасный памятник русской учительнице, внизу – большой музей, куда поступили экспонаты со всего Северного Кавказа. На открытии присутствовали президенты кавказских республик, прилетел третий человек страны – председатель Совета Федерации Сергей Миронов. Думаете, об этом что-нибудь сообщили центральные СМИ? Ни слова, ни кадра... Зато весь день показывали репортаж об уничтожении ваххабитов в той же столице Дагестана, выясняя: почему был убит в перестрелке режиссер кумыкского театра.

Только отдельные государственные меры по выпуску книг, газетных приложений, по организации гастролей театров, по квотам республикам на обучение студентов в Москве прорывают блокаду, поддерживают межнациональные связи.

Национальная политика государства теснейшим образом связана с культурой. Все эти годы и здесь мы констатируем распад творческих связей, полное незнание того, что происходит в той или иной республике.

Если поначалу думалось, что всё рано или поздно разрешится, разум возобладает и вернутся благородные чувства творческого сотоварищества, то сегодня, спустя двадцать лет после начала перемен, имеются все основания думать, что к прошлому возврата не будет, и перед нами со всей очевидностью встал выбор: либо сохранить свои национальные культуры, не прервать главные традиции, попытаться их развивать и в новых условиях, либо отступить перед нивелирующим все и вся катком массовой культуры.

По сути, глобализм стал извращенной формой общезначимых, глобальных проблем, возникших сегодня перед человечеством. Эти тенденции начали активизироваться с начала 80-х годов прошлого века: это и переход к новой фазе товарно-денежных отношений, когда сформировалось общество активного и ненасытного потребления, и экологические угрозы, и всеобщая информатизация, и мощное развитие нанотехнологий, и другие проблемы всемирного масштаба. Решать их можно только сообща, демократично, исходя из общечеловеческих потребностей, как и предлагала русская философская школа во главе с академиком Иваном Тимофеевичем Фроловым.

Реальность же, возникшая после обрушения идей социальной справедливости, интернационализма, гармоничного развития личности, нравственного и морального самоусовершенствования (пусть эти идеалы зачастую и декларировались, но они и составляли основу жизнедеятельности передовых людей XX века), наступила совершенно иная. Глобальные проблемы человечества «оседлала» ради собственного эгоизма группа высокоразвитых стран, превратила их в инструмент активного насилия, предъявив, по сути, всему остальному человечеству ультиматум: или вы с нами, или вы изгой земного сообщества. Тем самым активно взращиваются социально болезненные и опасные для самого существования человечества явления, от терроризма до той же ксенофобии, от религиозного фундаментализма до массовой культуры. И все они в своей совокупности привели к тяжелому финансово-экономическому кризису, избежать который не удалось никому.

Таковыми стали результаты пирровой победы над вековыми устремлениями к общественному устройству на основах свободы, равенства и братства. «То, что произошло с Россией, – вспоминаю слова Леонида Леонова, сказанные им незадолго до кончины, – это огромное поражение человеческого разума».

Всё самое гиблое, самое отвратительное, самое циничное обрушилось на головы наших людей, наших читателей за последние двадцать лет. Кажется, нет в мире больше другой такой мерзости, которая бы не вершила свой победный марш по российским просторам. Читателям, если говорить о литературе, предъявлены все пороки, все ужасы крошечного ада, вся несущаяся земного существования человека. Изменена, поставлена с ног на голову вся иерархия ценностей. Бога нет, всё на продажу, деньги не пахнут – такова триединая формула «продвинутой» культуры новой России.

Если, кто думает, что якутская культура здесь исключение, что ее духовность, ее народные корни не подвергаются нашествию внутренних короедов, тот ошибается. Проникли они и в зону вечной мерзлоты. Вот, как их покровительственно похлопывает по плечу одна либеральная московская газета: «Зрительный зал улавливал в якутской речи родные матерные словечки и пытался представить жизнь в холодном Якутске, где вечерами пьют и насиляют подростков (а чем еще в холода заниматься?)». Это о гастрольном спектакле «молодого и способного» режиссера Сергея Потапова.

Чем этот якут отличается от таких же «новаторов» в других культурах?.. Ничем, только лишь откровенной кличкой, которую цинично прилепила та же самая газетка вместо ожидаемой самим режиссером похвалы – «абориген».

Да, для растлителей наших национальных культур всё стало можно. И в моей родной Вологде идет спектакль в детском театре, где каждое третье слово – мат, а именем Бога, прости Господи, зовут собаку: «Ко мне, Бог! Анкор, Бог!» (пьеса Сигарева).

Тем не менее, положение не безнадежно. Такое великое достижение России, как дружба, взаимодействие и поддержка друг другом проживающих в ней народов, просто так не может исчезнуть, а будет существовать и вопреки драматическим обстоятельствам.

Чтобы заявить положительное, нужно оградить его от отрицательного.

Отрицательным можно считать сам системный подход к культуре за последние десятилетия. Во главе его стояли две направляющие. Первое: культура должна быть самоокупаемой. Самоокупаемость культуры – это нелепость, обман самих себя, какая-то варварская дикость. Если государство заботится о своих народах, то оно их оберегает в военном смысле и просвещает в духовном плане.

Вторая направляющая заключалась в том, что государство занимается «точечной» культурной политикой, поддерживая деятелей литературы и искусства грантами, премиями, наградами. Мол, мы им дали свободу слова, творчества, это – главное. Теперь они вольны делать, что хотят. К тому же скоро подрастут богатые благотворители – тогда и эта обязанность спадет с наших государственных плеч.

Всё это оказалось иллюзией. Подросла богатая прослойка общества и выразителем ее в духовном плане стала разновидность массовой культуры гламур – откровенная пошлость и антидемократизм.

В результате мы получили то, что имеем.

Но как в условиях рыночной экономики вернуться к тому доброму, разумному и, казалось, вечному, чем отличались высшие советские достижения в этой важнейшей сфере?

В наши дни в приказном идеологическом порядке невозможно заставить издавать и, главное, читать книги мастеров пера наших республик. Это – частный пример, касающийся и других видов искусства. Обмен культурными ценностями, а, значит, взаимообогащение и взаимовлияние российских культур возможно наладить лишь при общем оздоровлении духовного пространства России, которое нашими совместными усилиями должно приобрести глубоко конструктивную, а не разрушительную направленность.

Если нет переводов на русский язык, значит, наши братские литературы не выходят за границы своих республик и территорий, значит, прерваны творческие связи и контакты. Не только русские читатели, но, подчеркиваю, все читатели страны не знают, чем живут, к примеру, такие крупные литературы, как татарская, дагестанская, якутская и другие. Мы сохранили связи только на дружеском уровне, но за нами идут новые поколения литераторов, у них и этих связей нет. Мы теряем, по сути, многонациональную культуру России, а нам такого права разрушать то, что создано целыми поколениями россиян, никто не давал.

Литературы России всё дальше и дальше расходятся, они варятся в собственном соку, но, самое главное, что они теряют и национального читателя. Свой язык, который столь горячо поддерживался в годы перестройки, как и национальная самобытность, становятся уделом образованных интеллигентов, последних подвижников национальных культур.

Нельзя сказать, что национальные культуры даже в этой ситуации оказались бессильны противостоять глобалистскому нивелированию своей самобытности. В каждой республике были предприняты на уровне властей свои меры спасения. К примеру, в Республике Саха (Якутия) активно функционирует Академия духовности, занимающаяся пропагандой лучших достижений культур народов Якутии. В Дагестане работает Международный фонд Расула Гамзатова, оказывающий поддержку мастерам литературы и искусства, переводчикам, укрепляет связи народов республики. В других регионах деятелям культуры выплачивают гранты, оказывают материальную помощь, издаются их книги, покупаются картины.

На федеральном уровне в последнее время также предприняты шаги в поддержку развития межнациональных связей. Положительное начало для возрождения культуры всегда имеется. Не может уйти так просто с исторической сцены многонациональная культура России. И не уйдет!

Но сегодня государство должно предложить ей свою неотложную помощь.

В чем она заключается?

В российской традиции, многовековой, государство всегда выступало патроном культуры. Оно создавало Академию художеств, Румянцевскую библиотеку – сегодня крупнейшую в мире Российскую государственную библиотеку, музеи, театры и так далее. Не отрицало помощь и благотворителей, как, к примеру, Третьякова. Но всегда старалось играть ведущую роль в культурном строительстве.

Зачем было отменять старое, хорошо послужившее на межнациональные связи? Добрые традиции стали возвращаться.

Думается, период «варки в собственном соку», вызванный, как объективными, так и субъективными причинами, заканчивается. Такое умонастроение впервые проявилось на праздновании 110-летия со дня рождения Сергея Есенина в Константиново, куда приехала большая писательская делегация со всей России. Стояла чудесная золотая осень. О том, что

«поэт поэту есть кунак», особенно убедительно говорили якутка Наталья Харлампьева, аварец Магомед Ахмедов, чуваш Валери Тургай, татарин Ренат Харис, башкир Равиль Бикбаев.

Процесс восстановления братских культурных отношений в самом начале, он объективен по своей природе, востребован самими народами. Без него Россия, как государство, потеряет лучшие краски своей многонациональной палитры. Помочь и даже в кризисные годы не дать ему заглухнуть – обязанность интеллигенции России и Якутии.

Земля единения душ. Беседа с писателем Владимиром Карповым

Владимир Александрович Карпов – москвич по нынешнему жительству, а родился он в городе Бийске Алтайского края, жил в Киргизии, Башкортостане, Чувашии, немало поездил по Якутии. Как и некоторые нынешние пятидесятилетние писатели, начинал в литературе с напором, активно и талантливо, брал сразу быка творчества за рога: одна за другой публикации в престижных «толстых» журналах, первые книги, рекомендации в Союз писателей СССР маститых учителей, затем – литературные премии, экранизации романов...

А потом произошёл обвал на пятнадцать лет, пребывание в зоне молчания до следующей книги, которая вышла в 2000 году. Все эти годы «для прокорма» Владимир Карпов работал на радио, и сейчас ведет свою радиопрограмму «Национальный герой» для слушателей Подмоскovie.

В годы вынужденного творческого простоя для прозаика Владимира Карпова произошел именно тот случай, когда, по словам поэта Николая Ушакова: «Чем продолжительнее молчание, тем удивительнее речь». Две его книги прозы (последнюю из них «Танец единения душ» обсуждали в ЦДЛ, так переводится название прекрасного, завораживающего своей сплоченностью, своим ритмом, якутского танца *осоухай*) были активно замечены читателями и критиками, автор был удостоен Большой литературной премии России, учрежденной компанией «АПРОСА».

Да и как было Владимиру Карпову ее не получить, если роман писателя посвящен алмазодобытчикам?! Не подумайте только, что прозаик ради будущей премии выполнял некий корпоративный заказ или писал конъюнктурно. Владимир Карпов хорошо знает Якутию, по его роману в Государственном Академическом русском драматическом театре им. А. С. Пушкина в Якутске поставлен спектакль. Якутия – часть его биографии, а значит, и души. Вообще, он здесь человек известный, «свой», старается бывать на берегах Лены чаще, чем другие российские писатели.

К тому же Владимир Карпов давно переводит прозу Николая Лугинова. В его переводе вышел выдающийся роман якутского писателя «По велению Чингисхана».

Я разговорился с ним совершенно случайно, и с удивлением выяснил, что мы оба являемся заслуженными работниками культуры Республики Саха (Якутия). Для десятимиллионной Москвы случай, согласитесь, редкий. По аналогии как мне не вспомнить шуточное стихотворение алтайца Бронтоя Бедюрова: «Я встретил, кажется, японца, он был похожим на меня». И далее простодушное: «Мы изумленно друг на друга лишь глянули и разошлись».

С Владимиром мы не разошлись, а договорились посидеть и поговорить. О чём? А о чём могут сегодня говорить два русских работника культуры далёкого народа саха? О наших делах с братьями-якутами, о том, куда ж нам плыть в общей лодке.

Наша беседа была опубликована в «Литературной газете».

Владимир Карпов. Направление движения этой лодки выбрали наши предки. Русские землепроходцы были людьми предприимчивыми: в два-три десятка лет распахали сибирскую целину, раскинули железнорудные заводы и солеварни. Но они были и переимчивыми: вобрали в свой быт уклад сибирских народов, благодаря которому только и можно было выжить в суровых северных условиях. Стержневая заповедь этого уклада: нельзя брать лишнего от природы. Эта заповедь и в сегодняшних условиях единственно спасительна для всей человеческой цивилизации. Я эту землю полюбил, сначала занимаясь переводами книг Николая Лугинова, а потом уже и сам приехал в те края. В то время писал сценарий о Ерофее

Хабарове, и вместе с Ерофеюшкой, «сиротинушкой государевым», как он себя называл, мысленно вживался в северный мир, обнаруживая в нем корни собственных душевных истоков.

Я ведь с Алтая родом. Природа там иная, но дух общенациональной жизни – очень близкий, почти родственный. К сожалению, на Алтае доводится бывать гораздо реже, чем в Якутии, где, кроме человеческого интереса, у меня было много творческих дел. Это и сотрудничество по переводу, и создание пьесы по мотивам своего романа об алмазной юности России – об удивительных людях, благодаря труду и одержимости которых страна сегодня выживает. Сейчас знаменитый в России (хотя достоин такой знаменитости по всему миру) якутский режиссер Андрей Борисов приступил к съемкам художественного фильма по моему сценарию, в основу которого лег роман Николая Лугинова «По велению Чингисхана». Любопытно, что для Лугинова в Темучине важнее всего его планомерное до гениальности строительство государства. Для меня – любящее сердце жестокого повелителя. Я думаю, что мальчик из самого заброшенного, зависимого, слабого племени в Великой степи именно на этом материале – на способности любить и на стремлении оберегать близких ему людей – построил свою империю. Представь его начало: восемнадцатилетний паренек бежит, прячется ото всех со своей молодой женой... Но вот жену предательски крадут, и он, неимущий, собирает пять туменов и разбивает войско большого народа. А когда освобождает свою красавицу Борте, объявляет воинам, что всё, дальше можно не идти, я, мол, нашел то, что искал.

Для режиссера Андрея Борисова, как я понимаю, в этом человеке интересны его этнокультурные корни, насыщенность его образа вековой поэтикой и мистическими знаниями. Последнее слово, конечно, за режиссером, но если «выпечется» этот трехслойный пирог, то мы приблизимся к тому образу, который потомки Темучина сотворили из его жизни.

Вадим Дементьев. У меня «якутские дела» поскромнее – в 2004 году я помог в Москве выпустить книгу переводов стихов Натальи Харлампьевой «Кумыс счастья» со своим послесловием. Редкий сегодня случай, сам знаешь, когда выходит в Москве переводная книга. Недавно Наталья Ивановна вновь прилетала из Якутска в Москву на Всемирный Собор, а потом встречалась с дочерью, которая учится в Петербурге. Умнейшая, надо сказать, женщина, редактирует республиканскую ежедневную газету и руководит Союзом писателей. Мне перед такими друзьями бывает стыдно, что мы их так бросили, нельзя в силу исторической ответственности так поступать... Конечно, разумом я понимаю... Но всё же... А тут она еще рассказала о дочери, единственном своем солнышке, которая сегодня боится в Питере за свою жизнь... За то, что якутка, раскосая... А как должна себя чувствовать за тысячи километров от нее мать?! Подумай, писатель!..

Якутские друзья-писатели, Александр Акимов, мой товарищ по аспирантуре, приглашали приехать, погостить, но я так пока и не выбрался. Якутия – тот субъект, как сегодня говорят, Федерации, куда не вылетишь на два дня, для поездки нужна неделя, а то и больше. У тебя есть книга под названием «Можно ли Россию пешком обойти?» Якутию, точно, никогда и никому не обойти. Даже великий якутский поэт, путешественник по многим улусам Алексей Кулаковский свою родину в начале XX века не обошел и не объехал. Ты же по Якутии разъезжал не с писательскими бригадами, как мы осенью 2000 года по приглашению той же компании «АЛРОСА»...

В.К. С Кулаковским в этом смысле я себя никак не вправе сравнивать. Это фигура для Якутии знаковая, жертвенная. Но пешком – не пешком, а бывать мне посчастливилось почти во всех улусах Якутии, территория которой, как известно, размером с три Европы. Здесь, среди людей, занимающихся коренными народными промыслами, открываются первозданные человеческие истины. Северный человек, с виду подчас неказистый, с ружьем за плечом, выживет практически при любых цивилизационных катаклизмах. Помню, как пожилой оленевод на стойбище жалостно на меня всё смотрел и приговаривал, что у дочери в улусе два дня прожил – и то ему было тяжело, шумно! А улус этот, Эвено-Батынтайский, имеет

две-три улицы, по которым всего пару машин за день проезжает. Для оленевода – страшный шум!

Хотя и обольщаться такой первозданностью не стоит. Наш ушлый современный человек, куда угодно проберется, протащит сквозь все кордоны свой товар. В тех же местах мы сидели на берегу Индигирки в ожидании вертолета. Река стремительная, холодом от нее тянет, темные сопки вдали. Красотища!.. Достали бутылочку «Столичной», чтобы погреться. Чую – запах от нее какой-то специфический. Смотрю на этикетке адрес производителя: «Россия». Ни города, ни села, а сразу – «Улица Неизвестного солдата, дом 17».

В. Д. Сегодня меня волнует иное. То, что называется на языке политтехнологов проблемой «регионального автономизма». Она нам досталась от 90-х годов, от тогдашних суверенитетов. Якутия здесь стояла не последней в очереди за особыми правами. Богатейшая в мире земля!..

Да, она получала большие доходы от продажи алмазов. Да, немалые фонды компании «АЛРОСА» ей принадлежали. Да, она расходовала большие финансовые средства на хорошее дело – на строительство прекрасных театров, библиотек, вузов, на школы национальных дарований, на поддержку творчества, в том числе и на уникальную Академию духовности, и так далее. Сегодня происходит болезненный процесс федерализации «АЛРОСЫ», то есть вывода этой мощнейшей и богатейшей компании из-под республиканского крыла¹. В Якутии не очень спокойно, двух писателей даже посадили, но, слава Богу, вскоре выпустили. Приезжал В. В. Путин, разбирался. Будто бы он сказал: «Мы возместим ваши убытки». Пока на словах, хотя и президентских.

Ты вот, хорошо знакомый с трудом алмазодобытчиков, с «АЛРОСОЙ», что по этому поводу думаешь?

В. К. Я бывал на драгах, спускался в шахты, где добывают алмазы. Знакомился с людьми, перед которыми я преклоняюсь, или, точнее, смотрю на них снизу вверх, как на невиданных великанов. Чингисхан называл свое племя «людьми длинной воли», и в алмазном краю я встречал именно таких людей длинной воли. Но эти встречи и сотрудничество были тогда, когда президентом компании был В. А. Штыров. У него отец – адмирал и писатель. Причем, писатель не потому, что адмирал. А, действительно, писатель, художник слова! Видимо, и сыну он привил любовь к литературе, понимание значения слова в нашей жизни. А, может, просто такая мощная личность. Когда я с ним разговаривал, поражался: этот человек без записей владел всеми цифрами, связанными с производством, раскинутым чуть не по всему миру (в Африке, например), со стотысячной армией алмазодобытчиков. А когда речь зашла об отечественной истории, Штыров заговорил, в частности, о Льве Гумилеве, будто только Гумилевым в своей жизни и занимался. Тогда же руководителем пресс-службы «АЛРОСЫ» был еще один интересный человек Алексей Чертков, который восстанавливал историю якутского казачества.

Сейчас эти связи у меня почти пропали. Дело не в том, что сменилась команда. Руководители многих горно-обогатительных комбинатов (ГОКов), с кем мне доводилось встре-

¹ Экономический кризис, начавшийся в 2008 году, показал, что центр (пользуюсь перестроенным термином) не только «берет», но и «дает», помогает. Что бы сейчас делала Якутия, когда мировой алмазный рынок рухнул? Брала непосильные для возврата кредиты? Продавала бы свои алмазные рудники, закладывала в иностранные банки золото, свою землю? Нужно быть объективными даже в своих мечтах. Прочитирую к месту сообщение агентства Рейтер: «АЛРОСА, закончившая 2008 год с убытком на миллиард долларов, в течение всего первого полугодия 2009 года продавала алмазы только в государственный фонд Гохран, чтобы не реализовывать сырье на внешних рынках, где из-за кризиса спрос на продукцию АЛРОСы резко упал. В целом компания получила от правительства России 35 миллиардов рублей на закупку алмазов в Гохран в 2009 году. Кроме того, правительство намерено подготовить механизм выделения госгарантий на реструктуризацию долгов АЛРОСы перед российскими и зарубежными кредиторами. Долги АЛРОСы оцениваются в 3,6 миллиарда долларов при миллиарде долларов убытка. Контрольный пакет акций компании принадлежит правительству РФ, еще около 40 процентов акций – Республике Якутия (Саха)».

чаться, – нормальные сибирские мужики, буквально все поднявшиеся из рабочей среды. Когда у нас в стране назначался очередной вице-премьер правительства России, словно бы выведенный в тепличных условиях из одной и той же яйцеклетки, с одинаковой, как бы приклеенной, улыбкой, то я всегда вспоминал северян. Думал: ну, возьмите вы любого из этих толковых, рачительных хозяйственников, кровно связанных со своей землей! Они уже тем себя показали с лучшей стороны, что сами ничего не разбазарили и другим разворовать не дали! Для недавних лет – это подвиг! Но сегодня дело, видимо, не в конкретных людях, а, как ты выразился, в «болезненных процессах федерализации». Хотя в жизни России отдельная личность всегда значила многое. Вот только что я встречался с Андреем Борисовым, человеком, которого в Якутии любят буквально все. Речь у нас шла о творческих вопросах, но он с таким неподдельным почтением отзывался о президенте республики Штырове. Сказал просто: «Русский человек!..» Надеюсь, что и при новой системе выборов федеральные власти в своих предложениях кандидатуры на пост президента услышат голос многонационального народа Якутии.

В. Д. Ты правильно сказал, что мы все эти годы, как жадные наследники, всё что-то делим, делим, делим... Ничего особо не приращивая. И мое глубокое убеждение, что и в этом бесконечном дележе, от которого Россия устала, и в создании разного рода «автономизмов», «сепаратизмов», да и в обострении «национализмов» вины Центра из-за его непродуманных политических действий намного больше, чем в доле ответственности регионов, республик. Они при этом постоянном раздражении, как улитки, забираются в свои раковины, не хотят ни с кем ничем делиться, провозглашают суверенность своих территорий, автономность культуры и т. д. Всё это ведёт к какому-то дикому анахронизму, препятствует какой-либо модернизации, вызывают всё новые противоречия, постоянно грозящие конфликтами. Мы до сих пор не выработали ясной, скрепляющей всех и вся, идеи общности, солидарности, цельности. Заклинать о «единой и неделимой России» научились, а вот каким содержанием наполнить форму – не знаем.

Говорю это не голословно, а на основе анализа примечательного документа – проекта федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации», который вскоре будет рассматривать Государственная Дума. Представь на миг, что мы этим и другими правоустанавливающими документами выращиваем, подобно садовникам, цветы, красивые, разнообразные, а как составить из них букет, молчим. В царской России этот букет вязался вокруг самодержавия, главенства русского народа (что потом обругали «великодержавным шовинизмом»); при Советской власти – на основе идей интернационализма, будущего слияния наций и народностей в единое целое, «в человеческое общежитие», как сказал поэт, путем взаимовлияния и отсюда взаимообогащения каждого народа и каждой малочисленной народности великой страны. А сегодня? Абстрактное национальное единство, по мысли авторов законопроекта, поддерживают некие «государствообразующие народы» с такой расшифровкой этого понятия: «... народы, исторически сложившиеся на территории Российской Федерации, имеющие национально-территориальные образования внутри страны и участвующие в процессе формирования российской государственности». Ясно, что таким образом роль русского народа нивелируется в общем «котле» (в той же статье законопроекта прозрачно указано, что «государствообразующими» считаются народы, чья численность более 50 тысяч человек). Значит, получается так: народ, который составляет по последней переписи свыше 80 процентов населения страны, что по критериям ООН позволяет говорить о **моноэтническом государстве**, по своей строительной государственной обязанности и роли приравнен к чукчам. Я ничего не имею против добрых и мужественных жителей Крайнего Севера, меня всегда раздражали издевательские анекдоты по их адресу, но почему соседние с чукчами малочисленные юкагиры этим проектом также дискриминируются, теперь уже по сравнению с «государствообразующими»?! А

где в этой схеме украинцы – *третий* по численности народ в России? Их вообще как бы и нет, и никакой их роли не предвидится в построении российской «суверенной демократии», как формулирует Владислав Сурков.

Все эти далеко идущие игры с государственностью, вся эта безответственная национальная политика, ведущая узкими тропами к национальным хаткам и юртам, как раз и вызывает напряжение на местах, ибо наши народы, якуты, в частности, исторически привыкли жить сообща с русскими, со своими *старшими братьями*, они для этого и вошли в состав России, им уже и самим претит это **кочкообразное** сидение, но кто-то что-то вокруг всё делит и делит, и они всё замыкаются и обороняются от внешних воздействий.

В. К. Это так и не так. Монголы, а точнее, бурджугиты, к которым принадлежал Темучин, были чуть ли не самым малочисленным и слабым племенем в Степи. И, согласно этому законопроекту, никак не подпали бы под определение «государствообразующего» народа. А вон, какую империю размахнули: от океана до океана! Что касается нашего брата, русского человека, то здесь всё просто. Тема «коммуняк» уже отработана. Теперь новая песня – «фашисты», «скинхеды», «национал-патриоты»... Какая истерическая кампания развернута! В стране около 50 тысяч преступлений в год совершаются иностранными гражданами (в Москве два из трёх). Об этом молчат. Заметь, что в этой статистике не учитываются преступления людей, которые не принадлежат к титульным нациям или которые ведут открытую войну на Северном Кавказе, – речь идет о тех, кто не имеет российского гражданства. 50 тысяч – это интервенция! Если же говорить о моем, как русского человека, равенстве в строительстве государства с чукчей или юкагиром, то я не против: они в большинстве своем люди, сохранившие подлинные ценности. Другое дело, что русские – ниточка в бусах. Нет ее, и собирай отдельные рассыпавшиеся самоцветы.

В. Д. А что мы можем сказать о наших братьях-писателях? Гамзатов перед своей кончиной пошутил: «Я сорок лет назад потерял независимость, женившись на Патимат, и об этом никогда не жалел». Мы разорвали культурное пространство России, многие национальные культуры стали «независимыми». Легче им стало? На первых порах – да. Они самосохранялись и при поддержке республиканского руководства даже развивались, ибо выходили книги, платились пособия и гранты, поддерживались литературные журналы. Помнишь, как Якутия принимала самолет полуголодных писателей России в 1995 году? Накормила, как блокадников, отогрела. Какие детские школы мы в республике тогда видели, как повсеместно чувствовали заботу о культуре, о национальной литературе, чего сами были уже лишены! Но время автономного плавания проходит, пора возвращаться в гавань, к пирсу. И здесь, получается, что никто никого не ждет. Ты, Владимир, один из немногих, кто все эти годы работал на причале, то есть поддерживал порядок и не давал возможности окончательно растащить наработанное за прошлые годы. Как ты думаешь, можем ли мы восстановить наши связи, наше общее культурное пространство, о чем недавно мечтали участники форума деятелей культуры СНГ?

В. К. Еще во времена СССР один эстонский писатель признался мне откровенно, что ему всё равно, будет ли его читать тамбовский мужик. Что ж, насильно мил не будешь... А вот якуту Николаю Лугинову, алтайцу Бронтою Бедюрову, дагестанцу Магомеду Ахмедову (я называю тех, кого хорошо знаю), да и многих нашим товарищам из бывших союзных республик – не всё равно. Их волнует судьба тамбовского мужика, равно, как и судьба человека, близкого им по крови. Испытания прошлых лет нам пошли на пользу. Расслабившись в последние советские десятилетия, мы на собственном опыте поняли, что в нас «мы» не менее значимо, чем «я». Мы, Россия, – вода живая, которая, поднявшись из глубин, из подземных течений, любую емкость, любые формы заполнит своим содержанием. Только бы она была чистой.

Уроки Якутии

В бытность мою студентом, я зачитывался книгой Андрея Битова «Уроки Армении». Написанная в жанре эссе, она производила сильное впечатление новизной восприятия темы. Андрей Битов в вольной манере рассказывал о своих впечатлениях о неизвестной бытовой среде и незнакомой природе, открывая для себя (и для читателей) культуру армянского народа. Написана книга, действительно, мастерски, живо, вдохновенно. Но и не без битовской иронии и интеллигентного юмора.

Писатель «строил» в книге свою Армению, как мастер-каменотес из розового туфа город Ереван. В его рассказах обжигало армянское солнце и плескался прохладный Севан, чернели угольки, случайно попавшие из печи в хлеб лаваш, и звучали народные песни... Битов пытался смотреть на Армению любящими глазами своего друга писателя Гранта Матевосяна.

Автор этой книги уловил то, что носилось в воздухе, что сразу же привлекло внимание многочисленных читателей: так красочно, сочно, раскованно в тогдашней литературе о национальной стихии жизни еще не писалось. Скажу больше: читатель страны к тому времени уже вырос из униформы интернационализма (ничего в нем плохого не было, но заболтали, заговорили и этот советский феномен). Ему, читателю, захотелось иного – того, что и в жизни реально существовало, что было, оказывается, нашим народам не в тягость, а в радость. И такой акцент стал небольшим, но открытием.

Да, это был живой мир с людьми, хранящими верность традициям, своим предкам, с великим Сарьяном, Матедараном – хранилищем манускриптов, с обязательной «Историей Армении» в каждой семье, с почитанием своего алфавита, искусства, религии. И у всех, кто там не был, кто не жил в Армении, возникал невольный вопрос: а что же мы, почему у нас всё по-другому?..

Подобные книги воспитывали, направляли, вдохновляли. Книги не только Битова, но и грузина Нодара Думбадзе, азербайджанца Акрама Айлисли, армянина Гранта Матевосяна, русских Владимира Солоухина и Василия Белова (прочитайте у последнего его очерк «Моздокский базар», и на вас повеет свежим дыханием «Уроков Армении»).

Мы тогда еще не знали крайностей этих движений души, с энтузиазмом бросились в новую для нас стихию, больше чувственную, нежели рациональную, и стали очищать от патины времени золотую монету национального бытия наших народов.

Не ведали мы тогда, что золото имеет и еще один эквивалент, рожденный человеком: безудержное скопидомство и порочный эгоизм. Всё хорошо всегда в меру, и стоило расколоться единому миру, рухнуть некогда могучим опорам, как оно, это романтическое для нас золото, показало свою изменчивую природу: светлое национальное возрождение переросло в дикий национализм, в убогое затворничество и доморощенный духовный провинциализм.

Казалось, не будет конца череде войн, конфликтов, межнациональных свар... Но даже природная стихия, океан рано или поздно успокаиваются после штормов и бурь. Вышло солнце из-за туч, улеглись страсти, отгремели бои. Национальные мстители и защитники поутихли, террористы-разбойники разбежались, руины бездумно порушенного стали зарастать зеленой травой. И вновь потянулись на работу со своей тяжелой поклажей армянские каменотесы, чеченские мастера, владимирские умельцы.

Жить-то надо, а где жизнь, там и стройка.

* * *

В первый раз я прилетел в Якутию после одной зарубежной поездки. Мы путешествовали по Испании: Мадрид, Толедо, Барселона, Коста дель Соль... Испания для нас, советских, во времена долгожителя Франко была закрытой страной, не было с ней дипломатических отношений, а значит, и туризма.

А многое ли поймет в такой древней и самобытной стране турист-ротозей, что он может увидеть за неделю?

В конце-концом, мне надоели музейные экскурсии, бессмысленное лежание на пляже, пробежки по магазинам... В старинном Толедо, каменном городе, напоминающем дагестанские аулы, я на ночь глядя ушел из гостиницы в город.

Перешел старинный мост через Гвадалквивир, усмехнувшись наивному романтизму Пушкина, который представлял эту реку совсем иной – не грязной горной канавой, которую я увидел, а земным раем: «Ночной эфир струит зефир, поет, бежит Гвадалквивир». Эфира и зефира на реке не чувствовалось, и романтики тоже не было.

Однако это все-таки был Толедо, город-легенда, древняя столица Испании!.. Остывающая своими камнями от знойного солнца, с открытыми двориками-патио, и с цветами, цветами, цветами...

Они везде – на окнах, в тавернах, на уличных и дворовых клумбах, даже на крышах.

Где-то в глубине древнего квартала играла народная музыка, слышались веселые голоса, женский смех. Настойчиво и призывно звучащая мелодия затягивала меня всё глубже и глубже по узким улочкам, лесенкам, пустынным маленьким площадям. Хотелось окончательно затеряться в этом незнакомом мире, уподобляясь главному герою любимого мной фильма Антониони «Блю-ап» («Крупным планом»).

На широкой площади я сразу попал в круговорот праздничных испанцев, танцующих, поющих, на ходу подхватывающих горячую рыбу с огромных жаровен, обернутую в промасленную бумагу, запивающих ее из бутылок хересом, ящики с которым баррикадами громоздились в центре площади. Всё пылало, пенилось и сверкало.

А на деревянном помосте, под ярким светом фонарей, сменяющие друг друга пары без усталости танцевали фламенко. Были здесь и дети, тоже одетые в национальные костюмы. Они выходили на помост первыми, а затем возраст танцующих постепенно повышался, пока на сцене под веселые крики собравшихся не появлялись старики и старухи, с молодым задором отплясывающие этот народный танец.

Нет, это были не актеры, не самодеятельность, люди сами выходили из толпы, брали друг друга за руки и от души веселились.

Вот это-то меня и поразило. Воспитанный на литературе, я невольно вспомнил роман Хемингуэя «Фиеста» с его почти магическим описанием народного праздника, когда время и место как бы превращаются в ничто, и только царил дух человеческого единения и свободы. Дух карнавала.

Это и была настоящая испанская фиеста, первая в летнем сезоне фиеста де флорес, то есть праздник цветов. Я понял это по разговорам и выкрикам, по разукрашенным, как на выставке, балконам окрестных домов, по гирляндам на арках. Праздник первых летних цветов, с их жаркостью и сочностью, с густым южным ароматом. Природное многоцветие сливалось с праздничной одеждой горожан, с костюмами, туго перетянутыми в талии поясами, танцующих мужчин-кабальеро, с пышными воланами разноцветных юбок их спутниц, дробящих туфлями деревянный настил.

Не зря я учил пять лет в университете испанский язык, слушал на магнитофоне народные песни – романсеро, читал Мигеля де Унамуно, Сервантеса, Федерико Гарсиа Лорку. Я

так и представлял эту красивую, бесшабашную, веселую Испанию, отплясывающую фламенко под дробь кастаньет и гитарные переборы.

Всю ночь до утра продолжалась фиеста, и выплыть на берег из нее, как из горной реки, не было никаких сил.

За фиестой де флорес в Испании следуют в строгой очередности другие празднества: фиеста крестов – уважение к символу католической веры, фиеста воды, фиеста солнца, вплоть до последней фиесты – фиесты де торрес, всемирно известной, как коррида, она же бой с быками.

Было, отчего мне прийти в смятение. У нас в стране так не веселились, так не танцевали, таких фиест не устраивали. Народное искусство в России кончилось, грустно заметил писатель Василий Белов, когда часть собравшихся на праздник вышла на сцену, а большинство остались в зале.

...Через месяц я полетел в Якутию. Обычная командировка, передышка от суеты столичных будней. Что ожидать, когда величаво проплываешь над огромной страной? Уставшие попутчики, в основном, якуты сладко спали, а я не мог оторваться от иллюминатора. После дозаправки в новосибирском Толмачево наш «Ту» вырулил к Лене и пошел-полетел по ее руслу на север к далекому Якутску. Рисунок реки казался безжизненным, он всё утолщался, наливался от притоков водной силой, и даже с высоты десяти километров дышал природным эпосом. Самолет с разворотом, снижаясь над белым полотном реки, спланировал на берег, в долину Туймаады, где раскинулись дома Якутска.

Оживление якутского утра и свежий воздух после бессонной ночи взбодрили меня, обрадовали. С встречающими писателями я впрыгнул в машину, и мы помчались мимо изношенных под ветрами и снегами блочных домов, стоящих на сваях, подныривая под отопительными трубами, не зарытыми в вечную мерзлоту. Везде я наблюдал родную российскую расхристанность и приметы временного пребывания человека в неприбранном за собой мире.

Якутск тогда не радовал. И когда я, получив возможность выйти на час-другой из гостиницы, прошел к деревянным домам и сараям на берегу Лены, то удивился бедности, даже нищете. Особенно поразил небольшой рынок – грязный, убогий, где картошку продавали, чуть ли не поштучно. Запомнились только рыболовные сети, развешенные для продажи. В центральной России их днем с огнем было не достать, они считались браконьерским оружием лова, были под запретом, как и многое другое в тогдашней жизни.

Нет, Сибирь я не такой представлял!.. Мне она виделась богатой, крепкой, хлебосольной.

И только проехавшись (слово Н. В. Гоголя) в тот раз по Якутии, побывав в районах, погостив в домах (умело срубленных), посидев за хлебосольными якутскими столами, во мне сначала как-то робко, а затем всё сильнее и сильнее, возникла любовь к этой земле, к ее людям.

Они умели, как и поразившие меня испанцы, танцевать свой танец осоухай, даже еще лучше, от души веселиться, уважать свои традиции, почитать свои обычаи. И одежда их, тогда зимняя, была сплошь самобытной, но носилась и в праздники, и в будни естественно, потому что она была удобной: меховые шапки, тяжелые шубы, на ногах у женщин вышитые бисером торбаса.

Во мне, видимо, и в какой-то момент взыграли северные гены, родственные этим просторам, тайге, действительно, бескрайней, мощным рекам и бесчисленному количеству аласных озер. Якутия только на первый взгляд подавляет своим размахом, необъятностью, а затем к ней привыкаешь. Вписавшись в этот простор, человек ощущает гордость за то, что ему довелось жить в таком великолепном природном мире.

Но особенно меня поразили якуты, те люди, которые по каким-то неведомым причинам угнездились здесь, обжились и освоились. Что они, степняки, могли здесь найти? Многомесячный холод и знойное лето? Рыбные реки и богатую на зверье тайгу?

Спорят ученые, домысливают историки, но отсюда сегодня этот смелый и трудолюбивый народ не сдвинуть никакими указами-приказами. Символ саха – врытый в таежную землю столб сэргэ – коновязь. Это и обетный деревянный обелиск: здесь я (мы, они, мои предки, моя семья, мой род) угнездились, нашли свой земной предел, и вокруг него крутится-вертится колесо жизни и истории. Здесь я, раскосый добрый якут, пребываю со своей болью и радостью.

* * *

Определение «якутская интеллигенция» имеет свои оттенки и особенности, которые приходится пояснять. Русская интеллигенция считалась в XX веке прослойкой общества, социальным стратом людей, не образующим своего класса. Конечно, было обидно считать себя какой-то там «прослойкой», почти что «прокладкой» в общественных отношениях.

В Якутии в начале того же XX века классы еще только зарождались. Пролетариата, к примеру, не было вообще. Бедное крестьянство и зажиточные тойоны существовали. Буржуазия?.. Она-то вместе с врачами, учителями (их было на весь Якутский край из якутов единицы), писателями, купцами, улусными предводителями и формировали якутскую интеллигенцию. Отличительное ее качество – грамотность и желание принести пользу своему народу, участвуя в деле просвещения якутов.

Просветительский характер якутской интеллигенции сказался и на всей последующей истории Якутии. Перед местными интеллигентами стояла задача вывести свой народ к успехам цивилизации, прежде всего, выражающимся в экономическом и культурном развитии. Пути решения этих вопросов и стали ареной, сначала споров и дискуссий, а затем и кропотливой борьбы и вражды, посеявших свои злые зерна на многие десятилетия.

С начала XX века в Ленском крае наблюдалась пестрота общественных умонастроений и взглядов: существовали феодальные предрассудки, монархические настроения, социал-демократические воззрения (привитые якутам политическими ссыльными), народнические идеи, утопические программы, националистические проявления. Всего понемногу. Даже просветительская платформа, вроде бы обязывающая всех интеллигентов объединиться, была весьма шаткой. Людмила Реасовна Кулаковская, внучка Алексея Кулаковского, справедливо констатирует: «Мы привыкли думать, что благое дело встречает доброжелательное отношение у всех людей. Удивительно, но факт, почти любое сподвижническое дело большинство вначале подвергает обструкции, недоброжелательно и саркастически выискивая в благородных поступках что-либо порочащее. Вспомним, каким непониманием со стороны определенного круга якутской интеллигенции был встречен сам Кулаковский со своим желанием создать якутскую письменность, грамматику, литературу. Вспомним, как он часто, говоря о красотах якутского языка, о его перспективах, беспокоился, что некоторые его не поймут, осмеют».

В таком водовороте взглядов, теорий, начинаний, проектов, существовавших в сложной общественной и бытовой среде, иной раз отторгавшей прогрессивные и насущно необходимые изменения, прошли первые десятилетия существования якутской интеллигенции.

Октябрь подхлестнул национальную народную стихию, готовую к самовыражению и овладению культурой в полном объеме. К власти и в культуру пришли новые люди, новые интеллигенты из народа, с бедняцких низов. Грамоту они усваивали на ходу, горя желанием изменить жизнь своего народа к лучшему. Одновременно, другая часть интеллигенции оказалась в лагере противников социальной революции. Гражданская война в Якутии длилась

дольше, чем в остальной России, и немало интеллигентов погибло в боях с той и другой стороны.

С конца 20-х годов начинается активный рост числа якутских образованных людей, представителей новых для республики профессий, творческой интеллигенции. Если бы не постоянные репрессии (вплоть до 50-х годов), не дамоклов меч т. н. якутского «национализма» (см. подробнее о нем статью «Ночная беседа с профессором Башариным»), нависающим над якутским образованным сословием, свой расцвет культура республика начала бы с довоенных времен.

Подводя итоги, отмечу, что якутская интеллигенция всегда ставила своей целью задачу быть вместе с родным народом. И в горе, и в радости. Она сделала немало хорошего для просвещения и культурного развития народа саха. Выдвинула из своих рядов блестящих деятелей науки, культуры, образования, литературы и искусства. Свою миссию она понимала возвышеннее, чем в других культурах.

Якутская интеллигенция – это зеркало истории и духовного развития республики. Это – особо бережное и трепетное отношение к своему наследию, к именам знаменитых якутян, независимо от их идеологических взглядов, национальности и вероисповедания.

Известно, что само понятие «интеллигенция» отсутствует в европейских языках. На Западе знают «интеллектуалов». И только в России это иностранное слово обрело второе рождение. Интеллект интеллигенции никогда не мешал. Но этого мало. Интеллигент, интеллигентность – это кодекс чести, это – демократизм, народность, трудолюбие, патриотизм... Это – люди культуры, как своей, так и мировой. Это – интернационалисты и борцы за национальное дело.

Сегодня коренные понятия вытесняются птичьим языком современной (американо-европейской) цивилизации. Слово «интеллигенция» постепенно уходит из языка. Его заменяют на понятия «средний класс» и «элита». Все синонимы этого слова протестуют против такой подмены. Никогда интеллигенция не называла себя высокомерно «элитой», не собиралась представлять «средний класс» (значит, в обществе имеется и низший – те же крестьяне и рабочие?). Не любит она и слово «толерантность», то есть терпение. Что же, значит, якут должен «терпеть», скрипя зубами, у себя в республике русского? А русский в той же мере отвечать лицемерной толерантностью якуту?

Такие чужеродные слова-понятия меняют наши убеждения и традиции, нашу историческую память, национальный генный код. Этого мы не должны допустить!

* * *

Портреты якутских интеллигентов, которые вы найдете в книге, разные по своей яркости, величине влияния на жизнь своего народа. Но они и едины в отражении потока человеческой жизни как круг солнца, круг природы. Как спил якутской лиственницы – где-то на годовых кольцах он может быть толще, получше, а на иных и потоньше, похуже.

Для меня же все эти годовые кольца дороги. Только они разнятся степенью роста в отдельные периоды. Так и есть в континентальной Якутии, где амплитуда колебаний летней и зимней температуры достигает ста с лишним градусов, и где времена года по-особому прекрасны и непохожи на те, что мы видим в Европейской России или в другой части страны.

У меня до первой поездки в Якутию была мечта увидеть эту страну в мае, когда по Лене идет ледоход. В одной из книг Семена Петровича Данилова я вычитал, что эта картина незабываема, одно из чудес природы, которое нужно обязательно в своей жизни посмотреть.

Насчет своей поездки я уже договаривался с Семеном Петровичем. Пока договаривался, поэт скончался. Так до сих пор и не видел настоящего ленского ледохода.

Поэтому творчество Семена Данилова у меня навсегда связано с весенним месяцем маем. Вся его поэзия – это гимн обновлению жизни, преображению природы.

Апрель, когда Якутия пробуждается от зимней спячки, когда начинает припекать солнце и появляются первые проталины, я отдаю Лене Слепцовой – Куорсуннаах. И потому еще, что она красивая якутка, весенняя госпожа.

Зимние месяцы мной приготовлены для ушедших якутских стариков. Морозный декабрь, с туманами и долгими ночами, когда только огни в камельках согревали людей, – это память о Дмитриии Кононовиче Сивцеве – Суорун Омоллоне. Крепкий на мороз, но солнечный январь – это дань моей любви к Софрону Петровичу Данилову.

На известном портрете Афанасия Осипова Алексей Елисеевич Кулаковский изображен в июньский день: шишки у лиственницы еще красные, в руках у поэта якутская махалка-тойбур от комаров... Июнь, прекрасный летний месяц, время белых ночей, месяц ысыаха... Дарю его Алексею Елисеевичу.

Сам Афанасий Николаевич Осипов любит осень, старается писать свои пейзажи в преддверии зимы, когда на вершинах гор уже белеет снег, а в долинах всё еще буйствуют желтые, красные, голубые краски. Сентябрь, по-моему, – это месяц Афанасия Осипова.

Режиссер Андрей Борисов – весь на контрастах. Лучше октября ему мне не предложить, потому что якутская осень здесь встречается с полярной зимой. И Бык зимы мне здесь видится, как обновитель природы. Холод бодрит, рождает новые замыслы. Как это похоже на воплощенные фантазии Андрея Саввича!..

Мой друг Николай Лугинов... В ноябре он живет в своем особняке в Якутске и по ночам работает. Вернее, рано, с темнотой встает и корпит над своими романами. Один только огонек на втором этаже дома в округе и светится. После лета у писателя большой запас сил и впечатлений. Ноябрь – его трудовой месяц.

Что мне предложить Наталье Харлампьевой? Предложу самый благодатный, красивый, спелый месяц июль. Когда всё в короткое якутское лето цветет, благоухает, когда прогреваются мелководные заливы, радуются жаркому солнцу люди и птицы.

А где затерялся вечно озабоченный Сэмэн Тумат? Растворился в февральской пурге, которая неожиданно налетает и столь же быстро заканчивается. Он прирожденный охотник, перебивший немало зверья в Чурапче, так что, надеюсь, и на этот раз не заблудится, найдет дорогу к своему дому. Поздравляю Сэмэна со снежным февралем!..

Спелый август... Поспевают дары лесов и полей. Значит, будет у якутов свой хлеб. Будут тогда и песни. Такое двуединство народного бытия всегда было желанной целью профессора Георгия Прокопьевича Башарина. Посвящаю его памяти август.

Остался март. В этот месяц я познакомился с Саввой Тарасовым. Тот солнечный, далекий март... Синэ, Матта, Бердигястях... Я еще вспомню в книге это прекрасное путешествие. Спасибо за тридцатилетнюю дружбу, дорогой Савва Иванович!

Пройден по небу, по Верхнему миру, круг якутским солнцем. Совершен круг народного танца. Погостили мы в круге летнего жилища урасы, отхлебнув кумыса из круглого чорона.

Прожит еще один срок нашей жизни, в котором все мы вместе, все рядом, ушедшие от нас, и живые.

Ночной разговор с профессором Башариным

Мне надоело слушать одни и те же разговоры о «якутском национализме». Почему-то они ведутся только в Якутске. В улусах об этом не говорят, в селах даже не знают, что это такое.

Национализм стал идеей фикс якутской интеллигенции, вернее, он ей всё время приписывается и подбрасывается. Слово «национализм» до сих пор бросает в дрожь многих якутских интеллигентов. Откуда это явление взялось?

Открываю книгу Софрона Данилова, читаю отрывок из его письма секретарю Якутского обкома КПСС А. А. Попову от 30 ноября 1989 года: «У коренных народов и народностей нашей республики – якутов, эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей – начисто отсутствует чувство чванства и высокомерия по отношению к другим народам. Скорее всего – наоборот. Искренняя скромность до самоуничижения, беспредельное доверие до наивности, глубокое уважение к достоинству другого человека, неистребимая вера в его честность и добрые стремления – вот на чем зиждется их отношение к людям любой национальности. Эти чувства родились не вчера и не сегодня, а веками выработались в них, заброшенных неласковой судьбой на самую неприспособленную для нормальной жизни точку земного шара. Только любовь и уважение друг другу и вообще к человеку, какой бы национальности он ни был, взаимопомощь, взаимовыручка дали им возможность выжить в невероятно трудных социальных и природных условиях. Меня всегда радует то, что, несмотря на различные, подчас и трагические, превратности судьбы, живы у наших народов эти благородные традиции».

Мысль Софрона Петровича ясна и понятна: мы не враги сами себе. Якутия, как республика, изначально строилась на межнациональной основе, она в какой-то степени – слепок России с ее многонациональным составом. И если якутские народы остро не конфликтовали друг с другом, если в Якутии все эти века и десятилетия сохранялся межнациональный мир, то нет и основы для досужих разговоров, которые, если и возникают, то являются отголосками бытовых ссор, не имеющих под собой никаких серьезных оснований.

Читаю книгу выдающегося знатока Якутии XIX века, политического ссыльного Вацлава Серошевского «Якуты» – академическое исследование об истории, верованиях, бытовой стороне жизни якутского народа. Да, пишет автор, были какие-то недоразумения между якутами и «тунгусами» (так автор называет малочисленные коренные народы), не могли поделить они с якутами лучшие земли, пастбища, луга. «Они страстны (Серошевский пишет о тунгусах) и хватаются за нож в тех случаях, когда якут ограничивается руганью». Тунгусы дрались и с русскими.

Нет в истории других фактов национальной или этнической ксенофобии в Якутии. Конфликты случались, но на другой, материальной, основе.

Когда русские поселились в Якутии, то тут же постарались подвести местное население под царскую длань. А это – подати, ясак, подарки, поборы... Кому это понравится?! Зато потом якуты стали верными проводниками имперской политики России на Дальнем Востоке. Добровольно приняли православие, до сих пор оставаясь единственным тюркским народом, верующим в Христа.

Примеров дружелюбия, сотрудничества, родства якутов с русскими неизмеримо больше, чем каких-либо враждебных проявлений. Укоренение русских в Ленском крае спасло якутский этнос от самоистребления: десятилетиями здесь длилась феодальная война, один род шел на другой, ручьями и реками лилась безвинная кровь.

Все эти факты известны историкам, на эту тему написаны сотни, тысячи книг и статей.

Начало XIX века принесло в социально-общественные отношения в России заметное обострение. Дело шло к революционным изменениям в стране, и этот процесс был объек-

тивен. Свою роль здесь играл и национализм, как больших, так и малых народов. Якутия здесь не стала исключением.

Но сегодня мы должны к этому понятию относиться спокойнее, благоразумнее. Национализм становится в силу экономических и социальных реалий, складывающихся в мире, культурной реакцией на вызовы времени. Культурный национализм не перманентное зло, а *прогрессивное явление* в борьбе с глобальным космополитизмом.

Мне захотелось услышать мнение профессионала, человека, который занимается проблемой национализма с научной точки зрения. Ведь, для дальнейших наших рассуждений надо очистить понятийное поле и перезагрузить устаревшую методологическую базу.

Мой друг, известный историк, культуролог, главный редактор журнала «Москва» Сергей Сергеев передал мне небольшой текст, где он вкратце рассматривает генезис национализма на русской почве, вплоть до 1917 года. Прочитаем его внимательно.

«Слово „нация“ появляется в русском языке уже в начале XVIII в., его использует Феофан Прокопович, но широкого распространения оно не получило до середины XIX в. Хотя, и это очень характерный штрих, Кутузов, отвергая предложенный Наполеоном мир, пишет ему в ответе: „такова воля нашего народа“, так переведено у Толстого, но в оригинальном французском тексте стоит не „peuple“, а „nation“ – нация (важно, что Кутузов ссылается на волю нации, а не на волю государя, это очевидный националистический, а не имперско-династический дискурс). Идеологически национализм начинает формироваться (при том, что само слово „национализм“ еще не использовалось) в начале XIX в. в кругах так называемой „русской партии“ (А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин и др.). А. Л. Зорин полагает, что именно в поэзии литераторов-„шишковистов“ периода войн с Наполеоном происходит „открытие“ нации как единого народа. Если у Озерова и Хераскова борьба против захватчиков описывается как деятельность князей, то, скажем, в поэме С. Ширинского-Шихматова „Пожарский, Минин, Гермоген, или спасенная Россия“ (1807) это уже общенародное дело – „конечно внутри ...народа сохраняются сословные перегородки, но общий духовный порыв сплачивает его воедино“ (вообще характерно массовое обращение к теме Второго ополчения в это время, проект памятника Мартоса датируется также 1807 г.).

Во время войны 1812 г. „русская партия“ (которой император вовсе не благоволил) занимает ключевые посты: Шишков – государственный секретарь, автор императорских манифестов, Ростопчин – московский генерал-губернатор, Кутузов также считался крестурой „русской партии“. Однако, как только война переносится в Европу, Александр от „русской партии“ резко дистанцируется, главным идеологом этого периода становится Филарет (Дроздов) в текстах которого провозглашается доктрина христианского универсализма, столь любезная сердцу императора. Но семена были брошены, и с той поры националистический дискурс становится все более присутствующим в дворянской элите.

Вот, скажем, приписываемая А. С. Грибоедову (кстати, тоже „шишковисту“) „Загородная прогулка“ (1826). Лирический герой слушает русские песни в исполнении крестьян и крестьянок и предаётся грустным размышлениям: „Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаютя нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно бы, заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами“².

Замечательный документ, отражающий националистический дискурс практически во всей полноте за тринадцать лет до первых деклараций славянофилов. Очень любопытны

² Грибоедов А. С. Соч. М., 1988. С. 383–384.

дневниковые записи начала 1820-х гг. совсем еще юного М. П. Погодина, сына крепостного, попавшего в круг дворянской элиты. Это национализм с сильным демократическим, ксенофобским и панславистским оттенками. Например: „Как русские крестьяне любят господ своих, даже иногда и не совсем для них добрых! ...Тысяч 10 или 20 подобных им людей потом и кровью доставляют им все, что они требуют, и они не совестятся кидать этого даром какому-нибудь злодею французу за ядовитое иногда, и вообще за беспутное его учение, или какой француженке за ее негодные тряпки“; или: „Говорил с Кубаревым о соединении всех славянских племен в одно целое, в одно государство. Родись другой Петр, – он найдет другого Суворова и кончен бал. С 500 00 он кончил бы дело. Главное дело – отнять у австрийцев Сербию... За остальную часть Польши у пруссаков можно отдать Остзейские губернии. На что нам этих немчуток. Должно отделить себя от всех, чтобы ни один иноплеменник не смел говорить, что он гражданин русский. Какой был бы праздник“. Так что славянофильство появилось на хорошо подготовленной почве.

Сами славянофилы, как правило, слово „нация“ не употребляли, они использовали понятие „народности“, совершенно аналогичное „нации“. Характерно, что именно в отношении славянофилов Герцен в дневнике 1844 г. употребил слово „национализм“ (это первое обнаруженное мной использование этого слова в русском языке): „...западно-либеральные головы считают национализм подпорою правительства“. В конце 1850-х гг. это слово уже фиксируется в официальных документах, скажем в 1858 г. начальник III отделения В. А. Долгоруков в перлюстрированном письме украинофила П. Кулиша находит „рассуждения в националистическом духе“.

Националистами были и западники. Особенно характерны в этом отношении В. П. Боткин и В. Г. Белинский. Кроме того, что „неистовый Виссарион“ был оголтелым ксенофобом, он в своих поздних статьях сформулировал нечто вроде теории нации: „Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения... Человек силен и обеспечен только в обществе, но чтобы и общество, в свою очередь, было сильно и обеспечено, ему необходима внутренняя, непосредственная, органическая связь – национальность. Она есть самообытный результат соединения людей... Слово „национальный“ ... обширней в своем значении, чем „народный“. Под „народом“ всегда понимают массу народонаселения, самый низший и основной слой государства. Под „нацией“ понимают весь народ, все сословия, от низшего до высшего, составляющие государственное тело“. Не слишком оригинально, но очень внятно, четко и совсем не архаично даже для сегодняшнего дня.

В пореформенной России появлялись новые направления мысли или отдельные мыслители, субидеологией которых был национализм, правда, еще так не называемый. В первую очередь здесь нужно назвать почвенничество Аполлона Григорьева, Достоевского и Струхова. Особенно характерен Григорьев, который уже достаточно откровенно, и в отличие от других традиционалистов растворял религию в народности, для него православие – „просто известное стихийно-историческое начало“, в полном соответствии с новоевропейским пониманием нации полагал, что „залог будущего России хранится“ не в крестьянстве, „а в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу“. Николай Данилевский в „России и Европе“ рассуждает как заправский европейский националист (вместо слова „нация“ он использует слово „национальность“) и восхищается самим „принципом национальности“ (каждой отдельной „исторической“ национальности – отдельное государство), введенным в политику Наполеоном III: „Как бы ни были эгоистичны, неискренни, недалекновидны и, пожалуй, мелочны расчеты, которыми руководствовался повелитель Франции, провозглашая национальность высшим политическим принципом, он заслу-

живает полной благодарности уже за одно это провозглашение, выведшее это начало из-под спуда (где его смешивали с разными подпольными революционными махинациями) на свет Божий“.

Весьма добротным теоретиком и пламенным пропагандистом национальной идеи был крупный русский юрист, либерал А. Д. Градовский, написавший, видимо, первую систематическую научную работу (1873 г.) по национальному вопросу на русском языке, в которой дал такое определение „народности“: „совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого“, каждая народность „имеет образовывать особую политическую единицу, т. е. государство“ Градовский в своей публицистике отождествлял либерализм и национализм и отрицал безнациональность русского либерализма, работы его пестрят цитатами из славянофилов. Он вполне преодолел западнически-славянофильский раскол, и, по большому счету, его аргументация не сильно отличается от аргументации Данилевского.

Важнейшим событием для истории русского национализма стал польский мятеж 1863 г. В обществе бурно пробудилось национальное чувство. Боткин писал Ивану Тургеневу: „Какова бы ни была Россия – мы прежде всего русские и должны стоять за интересы своей родины, как поляки стоят за свои. Прежде всякой гуманности и отвлеченных требований справедливости идет желание существовать, не стыдясь своего существования“. В общем: права или нет моя страна, но это моя страна. Главными выразителями национального чувства в этот момент сделали Михаил Катков и в меньшей степени Иван Аксаков. Их боевая публицистика заставила растерявшееся правительство, готовое уже уступить полякам и европейскому общественному мнению, проявить волю и подавить мятеж. В. А. Маклаков вспоминает, что его отец, весьма либеральный по своим взглядам, до конца жизни продолжал относиться к Каткову с уважением. Второй раз Катков и Аксаков вместе с Погодиным и Самариным выступили слаженным хором по Остзейскому вопросу, но существенных результатов не добились, их идеи стали востребованы только в конце 1880-х гг.

Катков и Аксаков стали выразителями двух основных линий русского национализма: политического и этнического. По Каткову, в России должна существовать только одна „политическая национальность“ – нация, вход в нее не связан с этничностью, даже с религией, главное язык, культура (которые, впрочем, тоже суть этнические факторы) и следование государственным законам: „Народы различаются между собой не по религиозным верованиям, а прежде всего по языку, и как только русские католики и евангелики, а равно и евреи усвоили бы себе русский язык не только для общественного житейского своего обихода, но и для духовной своей жизни, они перестали бы быть элементом в национальном отношении чуждым, неприятным и опасным русскому обществу“. Отсюда та гигантская роль, которую Катков отводил языковой ассимиляции тех же самых малороссов. Однако наверху его призывы воспринимались как стремление к „оплебеванию“ (П. Валув) империи. В конце 1860-х – начале 1870-х гг. Катков вошел в настолько жесткое противостояние с правительством, что прямо в одной из статей написал о его „антинациональной политике“. В результате ему было негласно запрещено писать о национальном вопросе. С 1871 до 1882 г. Катков вынуждено перестал о нем писать вообще.

Для Аксакова – на первом плане православие, как национальная религия. Его проект – религиозно-этнический, где этническое и религиозное, по сути, сливаются. Он и самодержавие толкует как русский национальный институт: „Русский царь является вождем, главой и представителем русского народа – а никаких прочих народов“ (1863). То есть Аксаков стремился „национализировать“ и православие, и самодержавие. Характерно, что статья, откуда взята эта фраза была запрещена цензурой. Вообще, гонения на Аксакова были еще

сильнее, чем на Каткова, четыре его газеты были запрещены, а взысканий и предупреждений и не сосчитать.

Слово „национализм“ входит в постоянный обиход русской публицистики в середине 1880-х гг., благодаря главному противнику этого явления Владимиру Соловьеву в его полемике против Данилевского, Страхова и поздних славянофилов. Соловьев, будучи религиозным универсалистом-империалистом, видел в национальном начале помеху своим грандиозным планам, главным орудием которых он видел отрекшийся от „национального эгоизма“ русский народ. Отречению народа от самого себя, то есть, по мнению философа, „исполнению нашего нравственного долга препятствует лишь неразумный псевдопатриотизм, который под предлогом любви к народу желает удержать его на пути национального эгоизма... Истинная любовь к народу желает ему действительного блага, которое достигается только исполнением нравственного долга, путем самоотречения“.

В середине 1890-х гг. Соловьев осудил национализм в своей фундаментальной работе „Оправдание добра“, где сформулировал абсурдную максиму: люби другие народы, как свой собственный. Позднее даже такой горячий поклонник Соловьева как Сергей Булгаков от нее открестился. Но, в общем, Соловьев сумел заразить своим пониманием национального вопроса большую часть представителей русского религиозно-философского ренессанса, в особенности Евгения Трубецкого. Сегодня большинство суждений наших философов начала прошлого века поражают своей оторванностью от жизни и теоретической невнятицей, достаточно перечитать „Размышления о национальности“ Булгакова. Единственное исключение – П. Б. Струве со своей блестящей, хотя и спорной статьей „В чем же истинный национализм?“ (1901 г.).

Однако, несмотря на старания Соловьева, понятие „национализм“ становится в конце 1880 – начале 1890-х гг. весьма популярным. Националистами, например, называют себя Константин Леонтьев и Лев Тихомиров (хотя они понимают национализм по-разному). В начале XX в. четко вырисовываются три направления русского национализма: консервативный (Тихомиров), либеральный (Струве) и „интегральный“ („нововременцы“ – Суворин, М. О. Меньшиков, отчасти В. В. Розанов). Однако, это, в основном, боевая публицистика, для серьезного теоретического осмысления феноменов нации и национализма она мало что дает.

С запозданием все эти процессы роста национального самосознания начались и в Якутии. Царская власть, как и советская, преследовали тех, кто в полный голос говорил о проблемах возрождения своего народа, о большей самостоятельности его в решении своей судьбы. Всё это расценивалось как покушение на основы государственности, на неделимость территории, как призывы к неповиновению и т. д. Словом, если ты озабочен национальными проблемами, – значит, ты националист. Не больше и не меньше.

...И в тот мартовский поздний вечер, когда я разговаривал с Георгием Прокопьевичем Башариным на его квартире в Якутске, национализм, как культурное явление, еще не был реабилитирован, но идеологическая борьба с ним приутихла. Башарин больше рассказывал, я – слушал.

Ложность понятия «национализм» для якутов мне к тому времени уже стала ясна и понятна. Так долго и с таким упоением с «национализмом» нигде не боролись. Словно какие-то чудовища из олонхо расплозились по Якутии.

Подмена понятий ощущалась сразу. Искренняя любовь к своему народу Кулаковского (его письмо «Якутской интеллигенции», см. в приложении к книге), истолковывалась, как «националистическая». Развитие национальной культуры и просвещение якутов подразумевали какой-то «националистический душок». Гражданская война в Якутии, одна из самых

продолжительных на территории страны, сводилась к тому же противостоянию «националистов» и «интернационалистов». Репрессии 20-30-50-х годов проводились под теми же лозунгами.

Якутская интеллигенция вынуждена была всё время оправдываться: нет, мы – самый что ни на есть дружелюбный народ, мы не собираемся уходить из России, не хотим быть с Китаем или Японией, мы не внушаем молодежи какие-то ложные идеи и злые мысли. У нас имеется своя культура, и мы ее очень любим. Что в этом плохого?

Интересная деталь: обвинения в «национализме» стали звучать только с 20-х годов, когда в Москве шла сложнейшая политическая и идеологическая борьба на самых верхах, когда определялась будущность страны.

Я как-то читал стенограмму одного из тогдашних партийных съездов, еще не выправленную в последующие годы, без цензурных изъятий. Вопрос о русском шовинизме был вынесен на обсуждение съезда, стал, чуть ли не главным. С каждым выступлением зал всё больше накалялся и приходил в недоумение. С трибуны звучали голословные обвинения, прокурорский тон не сходил с уст рьяных, распалявших себя, ораторов. Они шли в атаку, как на войне. Чашу терпения делегатов съезда, большинство которых было из провинции, рабочие и крестьяне, переполнило выступление Христиана Раковского, который перешел в «ловле русских шовинистов» почти на визг. Тогда из зала ему крикнули: «Назови хотя бы одного шовиниста». Раковский обернулся к президиуму, где и русских-то почти не было, и гневно воскликнул: «Калинин!» Михаил Иванович явно стушевался: «Вы меня с кем-то спутали, товарищ Раковский. Я тут не причем».

В конце заседания выступил Сталин. Хитрый и умный грузин и здесь нашелся. Смысл его спокойного выступления был прост: «Да, опасность русского шовинизма существует, да, мы с ним будем бороться, но, товарищи, сегодня более опасен национализм на местах. Остановлюсь на примере грузинского национализма».

Вопрос был снят, уведен с повестки дня.

Не кажется ли, что и компания с «якутским национализмом» имела те же чисто конъюнктурные соображения идеологической и замаскированной под идеологию национальной борьбы? Только вот печально, что в Якутии их приняли за чистую монету, начали сводить счеты друг с другом, ссориться, в ход пошли политические обвинения. А там недалеко было и до репрессий.

Я не вкладываю эти соображения (они рисуют лишь схему, контур тех событий, взятый, конечно, не во всей сложности конструкции) в уста моего собеседника в тот якутский вечер. Г. П. Башарин, как теперь говорят, был все эти годы знаковой фигурой, отважным и честным борцом за национальное наследие своего народа.

Не видел я в нем, впервые встретившись, никаких демонических черт, и весь вечер удивлялся только тому, почему он выбрал для своего монолога в защиту национальной культуры именно меня, молодого тогда литературного критика, приехавшего из Москвы. Тем более что я был на стороне Георгия Прокопьевича, и не скрывал своих взглядов.

Это сейчас опубликованы воспоминания самого Башарина о том времени, записки внучки Георгия Прокопьевича Ольги Башариной, на якутском языке вышла книга памяти знаменитого профессора. Всё можно прочитать, обо всём узнать, но вопрос и здесь остается.

Разве не звучат, время от времени выступления из Москвы с теми же упреками и попреками? В Якутии, наверно, еще помнят провокацию Елены Масюк с канала РТВ (нынешний государственный канал «Россия»). Бойкая репортерша, которая из кожи лезла вон, чтобы представить чеченских бандитов и террористов ангелами во плоти, вдруг появилась в Якутии. Неужели Масюк приехала с целью защитить и якутских «националистов»?.. Но план у нее был другой, совершенно противоположный. Якутскую республику она выбрала для того, чтобы... разоблачить местный «национализм» перед всем миром.

Автор этих строк не мог не возмутиться провокационной телепередачей, отправив в республиканскую газету «Якутия» свой отзыв. Вот его текст:

Осторожно: Елена Масюк!

Тележурналистка Елена Масюк, перелетев из южных мест в приполярные, показала по каналу РТВ свой фильм «Страна безмолвия» о современной жизни Республики Саха (Якутия). Определить его каким-либо жанром теледокументалистики трудно, ибо неряшливый монтаж, спешащий, как при расставании на вокзале, голос за кадром, перескакивающий с одной темы на другую, выдают очередную телевизионную скороспелку, сделанную явно под заказ. Главное для Масюк – опорочить всё, что делалось в крупнейшей республике Российской Федерации за последние десять лет. И как сверхзадача – «разоблачить» первого президента Якутии М. Е. Николаева.

Тараторящую, как сорока, авторшу всё раздражает: и то, что якутские алмазы носят не те имена, и то, что в Якутске строят прекрасные театры и медицинские центры, и даже то, что президент Николаев плавает в холодной воде... Везде она видит подвох, собирает сплетни, ищет компромат.

И вряд ли бы стоило обращать внимание на этот тенденциозный опус, если бы Елена Масюк со свойственной ей лихостью в суждениях не акцентировала наше внимание на проблемах межнациональных отношений в Якутии. С первых же кадров она заговорила о якутском национализме, чуть ли не о геноциде против местного русского населения. Иначе, как провокацией, этот мотив «документального фильма» не назовешь. Тем более, возмущает сам видеоряд, показывающий «националистов-якутов» в обыденной жизни, – как примитивных туземцев с шаманскими бубнами и нечленораздельными, полупьяными выкриками.

Мне, русскому, не раз бывавшему в Якутии и только на днях вернувшемуся из очередной поездки, стало невероятно стыдно за этот, выпущенный государственным телеканалом, бездарный пасквиль на добродушный, работающий якутский народ. Если подобными неумными теледокументами (а о Якутии наше центральное телевидение заговорило чуть ли не в первый раз за последние годы) мы собираемся по-новому осмыслять межнациональные отношения, бороться с коррупцией, то эффект от этих заказных «разоблачений» будет самый что ни на есть противоположный. Неужели пропагандисты РТВ на такую реакцию и рассчитывают?!

После таких репортажей Масюк исчезла с телеканалов. Стала не нужна. Но абасы от журналистики остались. Не так давно столь же провокационно рассуждал в газете «Известия» о якутском «национализме» некий писатель Соколов-Митрич.

Попытки поссорить наши народы, увы, не закончатся и в будущем. Не нужно после каждой шавки, лающей из подворотни, оправдываться, как это делают в Якутске: мы, мол, не такие, нас не правильно поняли и т. д. и т. п. Добропорядочные люди не могут уразуметь, что их и не собирались «правильно понимать», не для того всё это задумывается.

Интересно отметить, что место классового подхода к национальному вопросу занял сегодня этнический подход, а суть и того и другого осталась одна: дальше от истины в этом вопросе. У пролетариев по известной формуле нет отечества и у этносов тоже нет отечества. Звучит абсурдно. Механический классовый принцип лишает всякой перспективы национальную составляющую любого общества, а этнический компонент уводит саму тему спорного разговора во тьму веков.

Драма Георгия Прокопьевича Башарина, как ученого, заключалась как раз в том, что он, будучи честным исследователем, стремился идти третьим путем – **национальным**, от реальной жизни, а не от абстрактных схем и построений. Как убежденный марксист-ленинец, он пытался классовым инструментарием «оправдать» того же Кулаковского, объяснить его позицию, его взгляды. Где-то у профессора получалось, где-то такой подход суживал сам предмет исследований. Башарин интуитивно понимал, что абсолютизированный классовый

принцип не мог втиснуть в свое прокрустово ложе творчество поэта, что значение Кулаковского выше классового мышления. Собственно, в своей совокупности труд Георгия Прокопьевича родственен работе старателя – он также постепенно намывал крупницы истины при анализе национального наследия.

Рано осознав свою задачу, как исследователя («заниматься разработкой общих узловых проблем истории и культуры родной Якутии»), Г. П. Башарин выступил в июне 1942 года с четкой национальной программой по наследию. Ее положения наконец-то были очищены от классового догматизма. Суть их сводилась к четырем постулатам:

«1. Три первых наших писателя представляли собой детище якутского устного творчества в сочетании с благотворным влиянием русской классической литературы, а через нее – мировой классики.

2. Кулаковский, Софронов и Неустроев – основоположники художественной литературы родного народа, трех ее основных жанров – поэзии, драматургии и прозы.

3. Они являлись критическими реалистами, которые правдиво изображали в своих произведениях, в основном, досоветскую действительность.

4. Кулаковский, Софронов и Неустроев по своим общественно-политическим взглядам были просветителями, демократическими, прогрессивными деятелями».

Отстаивать эти положения Георгию Прокопьевичу пришлось всю свою жизнь. В его убежденности большое значение сыграла, как говорил не раз Башарин, и война – она поставила перед Россией чисто национальные задачи выживания и существования.

Но стоило вернуться к мирному времени, как вновь заработал классовый молот: в 1952 году, как буржуазного националиста, Башарина исключают из партии, его знаменитая книга о наследии запрещается, он был лишен кандидатской и докторской степени, профессорского звания, уволен с работы. Десять лет длилась опала, пока абсурдные обвинения не были сняты. Это десятилетие далось Георгию Прокопьевичу ценой невероятных жизненных и творческих усилий, о чем он мне в тот вечер подробно рассказывал.

Когда Якутия отмечала его 80-летие, он сказал, подводя жизненные итоги: «У меня было тяжелое детство и юношество. В годы учебы находился под гнетом бедности и болезни. В обстановке культа личности меня душили кошмары чудовищных политических преследований, клеветы и обливания грязью. Но, несмотря ни на что, считаю себя счастливым человеком. Нашел счастье в научных исследованиях, профессорской работе, общественно-политической деятельности, в хорошем, сердечном отношении ко мне родного народа».

Профессор Башарин становился символом якутского национального возрождения три раза: в годы великой войны, когда он смело, активно, убежденно отстаивал культурное наследие народа, в 50–80 годы, когда не сдавался и своим мужеством являл пример для всей якутской интеллигенции, и в новейшей истории, когда призвал к дружбе народов, видя в ней наиболее плодотворную среду для раскрытия многонационального своеобразия России.

И везде оказался прав.

Мы – северяне!

Каждый день, в определенный вечерний час я вижу и слышу высоко над собой самолет, делающий разворот над северным озером и уходящий маршрутом прямо на восток. Это якутский «Боинг», который летит из Москвы на Лену через Русский Север, Урал, Западную Сибирь...

Раньше мы летали в Якутию на родных «Ту» другим маршрутом: с дозаправкой в Новосибирске. Оттуда самолет выходил на Лену и по ней, как по ориентиру, поднимался на север к долине Туймаады, где сжатый с трех сторон возвышенностью, речным руслом и аэропортом располагается Якутск. Подлет по реке производил сильное впечатление. Лена, как гигантский позвоночник, своими притоками держала прилегающие к ней земли.

В ранней утренней тьме, когда самолет заходил на посадку, Якутск виделся рассыпанной кучкой углей вдоль берега Лены. После безлюдных уральских и сибирских просторов, где часами не видно ни одного огня, город напоминал камелек в одинокой юрте, у которого можно отогреться и отдохнуть от дальней дороги.

Рассматривая карту Республики Саха, я удивлялся: за все эти годы успел побывать в большинстве якутских улусов. Самолетом, на вертолете, машинами, теплоходами облетел и объехал огромную территорию. В родной для меня Вологодчине я не был и в половине районов.

Между нашими землями немало общего. Больше, чем различий. Перечисляю по порядку.

Наши пейзажи напоминают якутские. Перед моими деревенскими окнами водная долина Кубенского озера простирается шириной в 12 километров. Наталья Харлампьева из своей якутской квартиры на набережной Лены видит такую же картину – русло реки Лены здесь разливается на те же 12 километров. Песчаные отмели рек Сухоны и Кубены напоминают пески Алдана и Синэ (Синей). Их обрывистые берега, к примеру, в наших Опоках, где высота круч с полкилометра, – слепок с таких же якутских берегов.

Если Якутия – кладезь земных даров, больше подземных, то Вологодская область – сундук с сокровищами, где имеются запасы золота, десятки кимберлитовых трубок с алмазами, в недрах области находятся 650 миллионов тонн нефти. Алмазы, кстати, моложе и качественнее якутских.

Погодные условия тоже схожи – морозы зимой бывают под минус 50, а летняя жара доходит до 35 градусов. Только вот комары в Якутии крупнее, зато вологодские злее. Мне очень помогает в борьбе с ними якутская махалка (тайбур), которую я приобрел в Якутске, экзотическая вещь для наших мест. В одной из книг вычитал, что такими махалками пользовались еще хунны, а хуннов у нас, к сожалению, не было.

Якутский нож у меня тоже имеется, я им часто пользуюсь. Удобная штука! В интернете рассказано не только о полезных в хозяйстве качествах якутского ножа, но и о его тайнах, которые не разгаданы по причине древности ножа.

Единственный водоем в европейской части России, где водится рыба нельма, – мое Кубенское озеро. Когда-то эта любимая якутами рыба заходила и в наши реки на нерест из Ледовитого океана, скатываясь после икрометания обратно. После постройки в начале XIX века на Сухоне плотины нельму в Кубенском озере «закрыли». Она здесь акклиматизировалась, прижилась и еще в 50-70-е годы XX века добывалась рыбными бригадами центнерами. Сейчас ее осталось мало, переловили всю.

У нас много лосей-сохатых, один из которых в сентябре 2009 года бегал прямо у моего участка. Я сидел у теплой печки, читал повести Николая Лугинова, а в окно заглянула лосиная голова: «Привет из Якутии!»

Немало и пернатой живности – журавлей, лебедей, гусей (это перелетные птицы, но они у нас подолгу кормятся), уток, глухарей, ястребов и разного рода мелких птах.

Пушные звери тоже имеются. Кроме соболей, которых давно извели. Это – бобры, куницы, белки, ондатры... В гербе соседнего Усть-Кубенского района, что на другом берегу озера, изображена рысь. Их там было много, как кошек.

О зайцах, лисах, волках, медведях и не говорю. Охотничий рай, что бы мне не хвастал про свою любимую Якутию Николай Лугинов.

Лошадей и оленей у нас, к сожалению, нет. А были. Стада диких оленей в XIX веке паслись на наших пожнях, а рабочих лошадей имелось на каждое крестьянское хозяйство по несколько голов. В моем деревенском доме висит шкура якутской лошади. Никто из гостей не может отгадать, что это такое. Якутская лошадь, объясняю им, – это чудо природы, весь год пасется на воле, сама зимой добывает корм из-под снега. А кумыс!.. А жеребятина!..

Просторы наши близки якутским. Если от моего дома провести прямую на северо-восток до Белого моря, то на всю эту тысячу километров не будет ни одного строения и жилища. Говорят, что в тех таежных и болотистых местах не ступала еще нога человека. Ну, прямо, как в Якутии!

А кто из русских первыми побывал в Якутии? Кто ее открыл для России? Почитайте очерк Валентина Распутина «Русское Устье» о поселении в устье Индигирки и ответ будет дан – древние новгородцы с Русского Севера. А Вологда была главным новгородским форпостом в движении на восток. Наш край дал России первооткрывателей Сибири, Дальнего Востока, Аляски и даже Калифорнии (Форт Росс) – от Семена Дежнева до Ивана Кускова. Только один город Тотьма, что стоит на реке Сухоне, снарядил и отправил в Сибирь более 20 экспедиций. Кстати, у Валентина Григорьевича Распутина, иркутянина, бабушка носила фамилию Вологжина. «По всей Ангаре, – рассказывал мне Распутин, – эта фамилия распространена. И язык у нас общий. Я читаю Василия Белова и удивляюсь, откуда он знает наши словечки, а он мне в ответ: „Валентин, ты, где слышал речь-то нашу?“

Занимаясь этим вопросом, я долго не мог представить – как и почему северный крестьянин „сорвался“ с обжитых мест и „побежал“ в Сибирь. Даже сегодня такие переезды россиянам даются с трудом, а тогда, четыреста лет назад...

Неужели северного русского крестьянина вела примитивная алчность, жажда наживы? Но у нас и своего земного богатства хватало. Только бери! А может, этот переселенец имел романтический настрой, некую мечту, ведь, искало же веками российское крестьянство счастливую страну Беловодье (Лукоморье, „златокипящую Мангазею“ и т. д.). Для массового исхода этот пример вряд ли подходит, потому что вологодский крестьянин имел практичный склад ума, не слыл авантюристом и искателем приключений. У него и на родине своих забот, хлопот и трудов хватало.

Для меня всё решила, найденная мной, челобитная царю Михаилу Федоровичу, первому из Романовых, посланная через монахов Спасо-Каменного монастыря, что на Кубенском озере, от лица местных крестьян. В те годы Россия выходила из Смуты, в которой погибла половина населения страны. Нужно было в очередной раз восстанавливать практически распавшуюся страну. Молодой царь заставил пополнять сильно оскудевшую казну северное крестьянство, сохранившее у себя хлебопашество и промыслы. Приказал собирать 13 податей-налогов с каждой семьи. Груз явно неподъемный. И отказаться нельзя. Вот тогда-то и потекли северные крестьяне в Сибирь-матушку, спасаясь от полного разорения. Одному бежать было нельзя, так как налоговое бремя переходило на соседа, который и со своим-то не справлялся. Уезжали деревнями, селами, бросали крепкие пятистенки, налаженное хозяйство, распаханые поля, забивали скотину. Уплывали по знакомым водным путям, через волоки, оседая в тобольских и омских краях, а кто посмелее – забирался и в устье Индигирки.

В книге Распутина я увидел фотографию лодки из Русского Устья (нынешний Аллайховский улус) – типичная наша вологодская плоскодонка, даже уключины для весел такие же, как у северных карбасов и стружков. На них и сегодня еще плавают по бурному озеру и тихим рекам мои земляки.

Если углубиться в историю, то можно вспомнить и выводы писателя Николая Лугинова, моего друга, который утверждает, что все мы родом от Чингисхана. Насчет якутов эта гипотеза все-таки не бесспорна, слишком темна история. А вот вологодские княжеские корни напрямую связаны с великим завоевателем (или, как уточнил бы Николай Алексеевич, строителем Евразийской империи, предшественницы Российской). Наш первый удельный князь Глеб Белозерский, любимый племянник Александра Невского, живший в XIII веке, был женат на дочери хана Сартака и трижды наведовался в Каракорум, столицу Золотой Орды, в качестве монгольского зятя. Выходит, что и наша удельная княжеская династия являлась потомками Чингисхана. Кстати, не потому ли мелкие вологодские волости назывались улусами до 1917 года?

Можно допустить, что и сам Чингисхан стал потомком русского князя. Так что гипотеза моего друга может звучать и так: все мы родом от русских и монголов.

Подобных исторических сюжетов в якутско-вологодском прошлом можно найти немало – только отбирай, какие интереснее и лучше. Но вернусь к теме общности наших народов и еще перечислю кое-какие примеры.

Якуты танцуют осоухай, мы водим хороводы, и тоже в июне, в заговенье, когда прощаемся с весной. Заговенье – наш народный праздник, как ысыах.

Якуты пьют кумыс из чоронов, мы пьем молоко из крынок, похожих на чороны, только глиняных.

Якуты – православные с примесью шаманизма, мы – православные с примесью язычества.

Особо скажу о нашем Таттинском улусе – Кирилловском районе. Здесь располагается духовный центр вологодской земли, как и Татта – колыбель якутской культуры. Природа этих, отстоящих друг от друга на многие тысячи километров мест, удивительно похожа: березовые и хвойные перелески, небольшие речки и горушки, светлые дали, душистые от цветов поляны. И еще линзы многочисленных голубых озер. Если уснешь в Татте, а проснешься в Кириллове, то сразу и не поймешь: где ты.

Еще мы любим свою пищу (пироги, к примеру, зеленые щи, ту же бруснику и чернику, как и якуты, клюкву). Жаль только, что не едим строганину – виновато глобальное потепление, рыба не морозится. Как и братья якуты, пьем много вина (в смысле, водки). Здесь уж лучше с нами не равняться: всё равно перепьем!

Особо роднит нас культура народов. В Якутии был свой Николай Рубцов – поэтесса Варвара Потапова, а у нас имеется ваш Василий Яковлев-Далан – его тезка Василий Белов. С таким же независимым характером. Вы – „люди эпохи Далана“, как сказал Семен Тумат, а мы – „люди эпохи Белова“.

А какая у нас графика. Она известна в России, как и не менее знаменитая якутская школа графики.

Игра на хомусе хорошо передает протяженность якутского пространства, его гулкое одиночество. Наши поля и перелески звучат в наигрышах кирилловской гармонии – грустных, своей пронзительностью бередящих душу.

Если одеть нашу женщину в якутский сангях, то она покажется ряженой, а если на якута натянуть косоворотку – то он сойдет за актера, сбежавшего из театра, где идет пьеса Василия Белова „Над чистой водой“. Национальная одежда к лицу только людям своей национальности. Замечено не мной. Сидя с руководителем Вологодской писательской организации Михаилом Карачевым в урасе на родине Суоруна Омоллона, я не заметил, как вошла

якутского девушка во всем великолепии национального наряда, в богатейшем одеянии из пушнины. Михаил Иванович толкнул меня локтем – смотри, мол, какая красавица. Как поэт, он с первого взгляда в нее влюбился, глаз не мог оторвать. Потом года два приглашал ее на поэтический праздник „Рубцовская осень“ в Вологду, с условием, чтобы она нарядилась так же, как в Якутии. Думаю, что смотреть на прекрасную якутку сбежалась бы половина города.

Наши писатели очень похожи на своих коллег из Якутии. Исторический рассказчик Александр Грязев – вылитый Николай Калитин. Усатый Анатолий Ехалов – двойник Егора Неймохова. А щуплый Александр Цыганов собрат Николая Винокурова – Урсун.

С вологодским писателем Робертом Балакшиным мы ездили по Якутии по приглашению компании АЛРОСА. И всюду он забирал с банкетных столов пустые бутылки, чтобы смыть с них этикетки (он их коллекционирует, такое у него хобби). В Якутске, где бутылок особенно было много, Роберт Александрович заполнил отмокающей посудой всю ванную в роскошном номере гостиницы. Горничная, увидев такую картину, чуть не упала в обморок, подумав, что у постояльца не осталось денег, и он решил сдать в приемный пункт пустые бутылки.

В другой раз прощаюсь перед отлетом в Москву с хорошим поэтом Иваном Егоровичем Федосеевым (светлая ему память!), по прозвищу „якутские глаза“, так как он имел на лице только узкие щелки. Прощаюсь на ступеньках аэропорта. „Вадим, дорогой, что тебе подарить от якутского поэта Федосеева?“ – спрашивает Иван Егорович. – Дарю тебе мою шапку, а ты мне на память оставь свою». Так я и улетел в заячем треухе Федосеева, а веселый Иван Егорович остался в моей соболиной ушанке.

Сколько было таких эпизодов, забавных историй, роднящих нас крепче всех призывов и клятв!

Я знал почти всех писателей якутов. С ними постоянно был на связи, печатал их статьи, издавал книги, писал о них сам. Многие из них были прекрасными людьми, о них надо бы сказать подробнее, но это невозможно. Почему я пишу в прошедшем времени? Потому что этот литературный лесок поредел. Нет поэта Алексея Михайлова, у которого я гостил в Якутске, и вдова которого Марта хранит светлую память о своем рано сгоревшем муже поэте. Скончался Леонид Попов, замечательный стихотворец, книги которого я рецензировал в «Литературной газете». Ушел из жизни мой товарищ Иван Федосеев. Нет на этом свете Валентины Гаврильевой. Многих нет.

Но я надеюсь, что мои друзья, в первую очередь, Николай Лугинов побывают и на моей родине. Почему именно он? Потому что он первый, кто меня свозил в Намский улус на рыбалку. Я знаю, что он прекрасный охотник. Давай, Николай, сравнивать, где лучше!..

В советское время Вологодскую область называли шестнадцатой республикой. За независимость и патриотизм. Мы тоже в чем-то националисты, как и якуты. И наше культурное наследие долгое время было под запретом (поэты Николай Клюев, Игорь Северянин, экономист Питирим Сорокин). И хотя получить суверенитет нам, как якутам, не удалось, но «все впереди», как назвал свой роман Василий Иванович Белов.

Мы северяне, вологодские и якутские, душевно родственны. Это поняли, подружившись, даже Дед Мороз из Великого Устюга и якутский Чысхаан (Властелин Холода). В случае чего – пусть якуты присоединяются к нам, или же, наоборот, мы лучше присоединимся к якутам. Наши субъекты Федерации по численности населения примерно равны, а по территории очень сильно разнятся. Места в Якутии еще достаточно.

Надеюсь, что Вологодский улус Республике Саха (Якутия) не помешает.

Голова сохатого

В одной из поездок по Якутии мы гостили в доме якутского охотника.

Сидя в гостиной, я обратил внимание на мастерски сделанное чучело головы сохатого, которое висело над дверью в прихожую. Прямо как живое!.. Разговорились об охоте и нет-нет да и возвращались к этому чучелу. Хозяин стал меня горячо убеждать, что можно и самому его сделать: выскоблить осторожно, чтобы не повредить мездру, жир, просушить шкуру, вставить вместо глаз обыкновенные электрические лампочки, покрыть лаком рога... Поведал и о ещё каких-то секретах, о которых я сейчас не помню.

Так бы мы и расстались, поговорив, если бы вдруг при нашем отъезде гостеприимный охотник не вытащил мне в подарок из сарая замороженную голову сохатого и, не слушая моих возражений, стал заталкивать её в багажник «Волги». Якутские друзья, вместо того чтобы поддержать меня, стали горячо доказывать, что я её обязательно увезу в Москву, сам выделаю и сохраню таким образом память о нашей поездке, о Якутии. Понятно, что все поэты (особенно меня уговаривали Моисей Ефимов и Савва Тарасов) в душе немного искатели приключений, но в данном случае они их желали не для себя.

Как бы то ни было, мы с рогами и мордой сохатого, высоко торчащими из багажника, приехали в Якутск. Наутро я вылетел в Москву. Хорошо, что ещё стояли мартовские морозы, и беспокоиться за сохранность таёжного трофея не пришлось.

В аэропорту Якутска ничему не удивлялись: видели, наверно, ещё и не такие грузы. Больше всех радовался литературный критик Семён Попов – вот это подарок так подарок!..

Словом, голова сохатого благополучно перелетела в чреве самолёта через всю Россию и приземлилась, наконец, в московском аэропорту Домодедово.

Жду свою охотничью поклажу, а её всё нет и нет... Надо сказать, что в Домодедово багаж выдают на транспортёр не сбоку, как в других аэропортах, а снизу, из подвала. Вдруг из дыры, как из преисподней, раздались громкие крики, естественно, с соответствующими выражениями. Понимая, что они явно в мой адрес, быстро спускаюсь вниз и вижу, как двое дюжих грузчиков, закинув на ленту мою поклажу, разбегаются с криками в разные стороны, а на них с транспортёра кувыркается голова сохатого.

Пришлось нам тащить её по лестнице до такси. Также с грехом пополам затолкали подарок в салон машины. Уф, осталось везти совсем немного!.. Но у подъезда моего дома ни я, ни шофёр никак не могли вытащить экзотический груз из такси. Упёрся, как говорится, рогом и ни в какую!.. Я уж думал плюнуть на всё это, но меня взяла обида – в такую даль дотащил, а в двух шагах бросил... Оборвав обивку салона, голову каким-то чудом выволокли наружу.

На второй день в тепле, оттаяв, голова потекла. Ей радовался только мой малолетний сынишка. Жена стала ругаться, потому что голова вскоре начала и пахнуть.

Здесь, в Москве, наставления охотника по выделке чучела выглядели как-то, мягко говоря, не совсем реально. Не зная что делать, к кому обратиться, позвонил своему другу, известному писателю и охотнику нивху Владимиру Санги. Владимир Михайлович спросил:

– У тебя разрешение на отстрел есть? Ветеринарная справка имеется?

Конечно, ни первого, ни второго у меня не было.

– В Москве только одна мастерская. Без документов они твою голову не возьмут, строго запрещено. А сам ты не сделаешь, не старайся.

Но легко сказать – бросить такую красивую и мощную голову, такое чудо природы. Наточив нож и топор, я вытащил её в общий коридор у лифта. Начал, как учили, осторожно подрезать кожу. Но куда там!.. То оставались крупные пласты жира, то острием ножа прорывал шкуру. Намучившись и понимая уже разумом, что не осилить, скрипя зубами от отча-

яния, всё-таки через час-другой содрал шкуру со скальпа. Тяжёлая и склизкая, она лежала у моих ног. Выскоблить её было невозможно. Уже не думая ни о чём, грубо, топором отрубил её от рогов.

Так и остались у меня с тех пор огромные рога якутского сохатого с колючей шёрсткой на лбу, которые я, не лакируя, повесил у себя в кабинете. На память о той поездке, на память о Якутии... И как очевидный для себя урок – делать в жизни то, на что способен, что можешь...

«Бурно прожить, жадно дышать...» Алексей Кулаковский

Кулаковский для Якутии означает так много, что нам, представителям других национальностей, трудно это понять.

Он стал символом якутской нации, ее духовным вождем, учителем.

Многие десятилетия вокруг его жизни и наследия шла война, о чем можно прочитать выше.

Но всё в мире, слава Богу, меняется, иногда и к лучшему.

В конце перестройки мне не дали возможности написать в серии «ЖЗЛ» всего лишь небольшой очерк о Кулаковском (наряду с рассказами о других крупных народных поэтах), мол, не рыночной будет книга.

А сейчас в той же серии «ЖЗЛ» готовится отдельный том с биографией Алексея Елисеевича.

Признание большого вклада Кулаковского в развитие национальной и даже мировой культуры стало возможным благодаря отстаиванию его имени якутской интеллигенцией и поддержкой его интеллигенцией в Москве.

В борьбе за наследство Алексея Кулаковского участвовала и моя статья – предисловие к его книге «Сновидение шамана. Стихотворения и поэмы», вышедшей в издательстве «Художественная литература» в 1990 году. В 2002 году якутское издательство «Бичик» эту книгу с предисловием переиздало. Я горжусь, что внес свой посильный вклад в открытия и для русского читателя имени великого поэта и просветителя.

* * *

С воем проносится ветер-снеговой по необозримым про странствам якутской тайги. Продирает студеным гребнем лесные чащобы, лижет морозным языком застывшие русла рек, сыплет колючей поземкой на таежные поляны, где под снежными буграми разбросаны одинокие жилища-юрты. Кажется, нет нигде признаков жизни: схоронилось в глубокие норы зверье, спят в придонных илистых ямах рыбы. Ни писка, ни крика, ни шороха... Только гудение ветра в верхушках корабельных лиственниц, только ледяное дыхание Быка Зимы.

Но лишь приблизишься к юртам, как почувствуешь признаки жизни: горький запах разносимого в ключья дыма, слабые сполохи света на узких оконцах. А когда откроешь дверь и с клубами морозного пара войдешь внутрь жилища, то поразишься многолюдью обитателей этих плывущих в тысячеверстном про странстве утлых домов-суденышек.

У глинобитного камелька, с хрустом пожирающего поленья, древний старик, раскачиваясь в такт, поет протяжную песню. На низких лавках вдоль стен сидят многочисленные слушатели. Иных в темноте и не видно, об их присутствии говорят мерцающие угольки трубок. Ближе к огню подсели, завернувшись в оленьи дохи, ребятишки, на лицах которых отражается вся живость историй, рассказываемых стариком олонхосutom. А самые смелые мальчуганы притаились за углом камелька, радуясь теплу и слушая гул верхнего ветра.

Что чудится старым и малым в древних сказаниях олонхосута? Какой отзвук в сердцах находят гортанные слова, волшебным складающимися в картины битв и подвигов богатырей?

И кто этот немолодой уже якут, сидящий на низком табурете невдалеке от сказителя и что-то быстро записывающий в толстую бумажную тетрадь? По виду, кажется, учитель – в темном городском пиджаке, на ногах крепкие торбаса – сапоги. Черные усы выделяются на бледном лице с живыми, поблескивающими в рас косых щелках, глазами. Он еле поспевает

за речитативом олонхосуа, размашисто занося каждое его слово на бумагу. Быстрее, быстрее!.. Не дать раствориться живому слову в морозной ночи. Не дать ему сгореть, подобно тлеющим в камельке головешкам.

Он, поэт и ученый Алексей Кулаковский, не только сберегает древнее слово для потомков, но и использует его в своих собственных стихотворениях и поэмах. Чтобы и спустя десятилетия, в конце XX века читатели восхищались их эпической силой и проникновенным лиризмом.

1

Зачинатель якутской литературы, оригинальный поэт-мыслитель, ученый-фольклорист, общественный деятель А. Е. Кулаковский (1877–1926) является воистину народным писателем, классиком поэзии, имя которого сегодня стоит в одном ряду с аварцем Гамзатом Цадасой, казахом Джамбулом Джабаевым, чувашом Константином Ивановым, лезгинцем Сулейманом Стальским... Как мощные зеленые ростки, они пробились сквозь вековую толщу, чтобы возвестить миру о рождении новых литератур, об обретении народами индивидуального поэтического голоса.

Творчество Алексея Кулаковского, прозванного при жизни Эксекулях Алексей, то есть Орлиный Алексей, выделяется не только чертами истинной самобытности, но и своеобразием своей посмертной судьбы. Отнюдь нелегкой и временами даже трагической.

Будучи по главной сути своего таланта поэтом-просветителем, Алексей Кулаковский воплощал в себе характерные стороны этого мировоззрения. К его жизненной позиции можно отнести характеристику В. И. Ленина, данную им российским писателям-просветителям. В статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин обратил внимание на три главные особенности просветительства. К первой он отнес «горячую вражду к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области...». Второй чертой является «защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России». И, наконец, третья особенность выступает в отстаивании «интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому».

Якутский поэт, как демократ-просветитель, связывал будущее родины с культурным ростом, с нравственным совершенствованием народа. Испытывая большое воздействие русской общественной и эстетической мысли (особенно Пушкина и Лермонтова), Алексей Кулаковский постоянно размышлял о национальном своеобразии исторических судеб и культуры якутского народа, о его вкладе в мировое развитие, о будущем якутов. Во многом эти раздумья опередили свое время и сегодня служат одной из причин повышенного интереса к творчеству поэта.

К сожалению, многие десятилетия роль и значение поэзии и публицистики Алексея Кулаковского истолковывались на его родине не с вульгарно-социологических позиций. Оценки его творчества связывались с той или иной политической конъюнктурой, весьма далекой от объективного представления о сложном жизненном пути писателя-просветителя. Узкоклассовым ревнителям удалось даже объявить Кулаковского, по словам современного русского поэта Виктора Кочеткова, «чуть ли не пособником угнетателей якутского народа. Подчас исследования его творчества больше напоминали судебные расследования».

Ныне никто уже не осмелится оспорить растущее с каждым годом значение наследия великого якутского поэта. На его родине одна за другой выходят книги, готовится издание Собрания сочинений. На русском языке были опубликованы две книги – сборник сти-

хов «Песня якута» в издательстве «Советская Россия» в 1977 году и избранные сочинения «Наступление лета» (стихи и проза) в издательстве «Современник» в 1986 году.

Поэт всегда был любим и как-то по-особенному тепло почитаем в родном народе. Общечеловеческая ценность его произведений очевидна. Национальная значимость столь же велика. «Мы, якутские писатели, – утверждал народный поэт Якутии Семен Данилов, – все прошли школу А. Кулаковского. Мы у него учились тому, как преданно служить народу своим творчеством, своей поэзией».

2

Алексей Елисеевич Кулаковский родился 4 марта 1877 года в живописной местности Уучай в семье крестьянина-середняка. Его родители, Елисей Васильевич и Анастасия Коновна Кулаковские, были, как и большинство населения Якутии в те времена, неграмотны. Трудности в содержании многодетной семьи, тяжелые условия жизни заставили отдать годовалого Алексея на воспитание деду по материнской линии. У него мальчик провел свои детские годы. Чем запомнились они ему? В одном из писем Алексей Кулаковский вспоминал: «Будучи малолетком, я целые ночи просиживал „под челюстями“ (якутское выражение) сказочника, слушая его сказки, легенды...». Такие бродячие олонхосуты были частыми гостями в тогдашних якутских юртах.

Именно они сохранили героический эпос олонхо – подлинное сокровище якутского фольклора. Исследователи считают, что эти эпические сказания возникли в VIII–IX веках нашей эры. Но не только седой древностью примечательно олонхо. «Воспевающие красоту природы и жизни, якутские образы, воплощающие мечту и фантазию старинных людей, – пишет знаток народного творчества Г. У. Эргис, – воспитывали эстетические чувства народа, формировали характер людей».

Чтобы читатель имел представление о завораживающем звучании олонхо, которое в детстве слушал Алексей Кулаковский и мелодика которого позднее стала основой его поэтического творчества, приведем небольшой отрывок в переводе Владимира Державина из знаменитого эпического свода «Нюргун Боотур Стремительный», насчитывающего в записи более 36 000 строк:

На широком нижнем кругу
Восьмислойных, огненно-белых небес,
На вершине трехъярусных
Светлых небес,
В обители полуденных лучей,
Где воздух ласково голубой,
Среди озера – никогда
Не выдавшего ни стужи, ни льда,
На престоле, что вырублен целиком
Из молочно-белой скалы,
Нежным зноем дыша,
В седирах белых, как молоко,
В высокой шапке из трех соболей,
Украшенной алмазным пером,
Говорят – восседает он,
Говорят – управляет он,
Белый Юрюнг Аар Тойон.

В 1886 году Алексей Кулаковский поступил в Чурапчинскую школу, которую успешно закончил через четыре года. У будущего поэта и его родителей сомнений насчет дальнейшего пути не было: надо дальше продолжать образование. Но куда податься? Выбор школ и училищ был невелик. Так Алексей оказался в Якутске, где его приняли в Духовное училище. Стезя служителя культа не очень-то привлекала юношу, к тому же вскоре возникли трудности с оплатой обучения. Нужно было опять что-то решать. И Алексей поступает в Якутское реальное училище, которое, по свидетельству известного исследователя и биографа поэта Г. П. Башарина, «давало довольно солидные знания по всеобщей истории, особенно по отечественной истории, по языкам и по русской литературе, а также по естественным наукам. Оно воспитывало в патриотическом духе, в любви к русской культуре». Отметим, что Кулаковский был единственным представителем коренного населения в классе.

До наших дней дошли два учебных реферата молодого выпускника реального училища. В одном из них «Главнейшие достоинства поэзии Пушкина» двадцатилетний юноша формулирует свое понимание основ творчества великого поэта: народность, реализм, общечеловечность, свободное владение поэтической формой и т. д. К этим духовным и эстетическим вершинам стремился и сам Алексей Кулаковский.

Представляет интерес и другое сочинение молодого якута, в котором он с большой душевной симпатией говорит о русском народе. Вывод юного историка символичен: «Создавшие в такой короткий промежуток времени такое могущественное государство, благоденствующее в настоящее время, зная столько знаменательных событий в своем прошлом и имея таких сынов отечества, – русские имеют полное право гордиться своим именем».

В 1897 году Алексей Кулаковский возвращается в родные места. Пора было начинать самостоятельную жизнь. Он устраивается на должность письмоводителя, женится на богатой невесте. Казалось бы, – вот оно, счастье. Но оно лишь поманило поэта. Жизнь с первых же самостоятельных шагов складывалась трудно. Приходилось отрабатывать калым за невесту, собирать деньги на разъезды по Якутии... Вскоре похоронил отца, умерла и первая жена... Женился вторично, и семья еще больше разрослась. Нужно было в буквальном смысле биться, чтобы прокормить детей.

Единственной душевной отрадой для Алексея Кулаковского стало самообразование и собственное литературное творчество.

«У меня обнаружилась одна черта натуры, – писал он в том же послании к составителю „Словаря якутского языка“ Э. К. Пекарскому, – которую не умею, т. е. не знаю – отнести ли к достоинствам или к недостаткам; я увлекаюсь родной поэзией, а следовательно, и формой, в которую она облекается для своего выражения, т. е. якутскими сказками и песнями...».

В народе до сих пор бытует немало легенд о подвижничестве поэта. Так, рассказывают, что однажды он встретил незнакомого человека и в разговоре с ним выяснил, что в соседнем аласе проживает некий старик, который знает немало сказок и легенд. Кулаковский тут же собрался, предупредив домашних, что вернется к вечеру. От старика же узнал, что в других местах живут лучшие знатоки фольклора. Алексей Елисеевич не мешкая пустился в путь по указанным адресам. Домой он вернулся через... три года.

Учительствуя, поэт использовал любую возможность для пополнения своих знаний. В те же годы он написал работу по изучению древних верований якутов, собирал пословицы и поговорки. По рассказам стариков он воссоздал судьбу народного защитника Василия Манчары, составил картотеку слов, усвоенных якутами у русских, систематизировал названия флоры и фауны Якутии. Алексей Кулаковский занимался выработкой правил якутского стихосложения, сам писал стихи и поэмы везде, где бывал, где путешествовал, – на пароходах, в юртах, на привалах, в русских избах, в городских гостиных... Таким он изображен на портрете известного современного художника Якутии Афанасия Осипова – на фоне таежных просторов, у коновязи, готовый в любой миг пуститься в путь.

Свою подвижническую деятельность А. Е. Кулаковский не оставил и после революции. Сотрудничая в советских научных учреждениях, поэт-исследователь выпустил одну за другой несколько книг, явившихся литературным и научным итогом работы за четверть века.

Жизнь Алексея Кулаковского оборвалась 6 июня 1926 года в Москве по дороге в Баку на Первый тюркологический съезд. В свою последнюю поездку он отправился уже будучи тяжелобольным человеком. Сохранилась фотография А. Кулаковского, сделанная в московской больнице: вид изможденного, смертельно больного поэта производит страшное впечатление. Лишь в его глазах по-прежнему горит тот же огонь познания, который не гас до его последнего часа. Умирая в нечеловеческих муках, после трех тяжелейших операций, Алексей Елисеевич нашел в себе остатки сил и мужества, чтобы заняться проектом расположения якутского шрифта на пишущей машинке, чтобы отрецензировать грамматику родного языка, чтобы продолжить отложенные научные исследования. Его последний творческий подвиг стал в народе такой же легендой, как и вся его нелегкая жизнь.

Великий просветитель и поэт Якутии был похоронен вдали от родины, в Москве.

3

Творческое наследие зачинателя якутской литературы составляют две поэмы и около трех десятков стихотворений. Но не количеством строк измеряется его вклад в развитие родной словесности. Начиная с первых произведений, написанных на рубеже XX века, творчество Алексея Кулаковского являлось необходимым для каждой молодой литературы связующим звеном между вековой фольклорной традицией и профессиональной писательской работой. В этом историческом и культурном контексте мы и должны рассматривать его поэтику и – шире – все идейно-художественное значение наследия поэта.

Печать времени лежит практически на всех его поэмах и стихотворениях. Мощная фольклорная традиция как бы «теснит» личностное поэтическое самовыражение. Поэтому в лирических строчках Кулаковского мы не найдем медитативного начала, а его эпос целиком, казалось бы, исходит из фольклорного склада мышления.

И все же в произведениях якутского автора имеются неоспоримые приметы новизны, яркие свидетельства самобытного и оригинального таланта. Форма еще не устоялась, границы временных переходов зыбки и неопределенны, большинство поэтических выразительных средств заимствовано из фольклора, а между тем мы явственно чувствуем в каждом произведении свою «изюминку», свою самобытную черту. Здесь и попытки социальной критики в стихотворных новеллах «Богатый купец» и «Обездоленный еще до рождения». Здесь и лукавость живописных штрихов в «Портретах якутских женщин», и праздничность описаний народных традиций в «Вилуйском танце».

Как ни парадоксально, интерес к поэтическим поискам Кулаковского в современной якутской литературе возрастает. И не только потому, что он классик и зачинатель письменной поэзии. Его творчество воспринимается сегодня как живое и весьма плодотворное явление. Причин такой художественной актуальности может быть несколько.

Во-первых, при подъеме национального самосознания возрастает интерес к тем именам и к тем произведениям, которые легли в основание, стали символами той или иной культуры. Они по своей духовной сути исток всего и вся.

Во-вторых, творчество Алексея Кулаковского целостно по своим нравственно-философским воззрениям, а современное сознание, часто противоречивое и разорванное, ищет такой единой основы, платформы для выражения своих взглядов, ищет гармонии. И в-третьих, поэтика якутского автора, как, впрочем, и творчество его соратников и продолжателей – Анемподиста Софронова, Николая Неустроева, Платона Ойунского и других, – вовсе не

архаична и не консервативна, а наоборот – открыта и, может быть, не исчерпана еще до конца, скрывает в себе яркую национальную форму и самобытное содержание.

В центре внимания творческого мира Кулаковского – чело век и земля. Вокруг этих коренных понятий и разыгрывается языческая мистерия в его произведениях. Но позиция автора современна, его мировоззрение вобрало в себя новые качественные черты – неприятие угнетения человека человеком, протест против буржуазных нравов, раздумья о настоящем и будущем народа. И хотя они, эти «зародыши» нового мышления, отражены в поэмах и стихотворениях Алексея Кулаковского подчас наивно и с долей утопизма или романтической упрощенности, не будет преувеличением сказать, что мысль поэта подспудно стремилась все же к более широким обобщениям, пыталась ставить глобальные проблемы.

Мы видим, как сквозь мифологию и фольклорную поэтику буквально прорывается живой голос поэта. Как, с другой стороны, личностное начало его мировоззрения неотделимо от народной точки зрения, от народного мировосприятия. Поэтому в его творчестве нет субъективного «я», а чувствуется то общее, что для поэта выглядело гораздо более ценным качеством.

Он был воистину первым, осознавшим свое предназначение, выразителем духа народа, его глубинной сути. Алексей Кулаковский, начиная с первого опубликованного стихотворения «Заклинание Байаная» и кончая стихами советского периода, пытался показать прежде всего праздник жизни, радость земного существования. Нет, вероятно, в нашей сибирской поэзии первых десятилетий ее развития таких мощных и одновременно изысканных сравнений, которые использованы поэтом для описания таежных рек, нет такого жизнеутверждающего напора, с которым передана смена времен года, когда в зимнее оцепенение тайги буквально врывается гомон проснувшихся весенних голосов, когда, словно по команде с неба, крошатся ледяные панцири рек и по всей Якутии бежит зеленая волна наступления весны и короткого северного лета.

Венцом творчества Алексея Кулаковского стала поэма «Сновидение шамана», в которой панорамность жизненных картин, широта художественного мазка подчеркивают страстные духовные пророчества автора, его надежды на лучшее будущее народа. Монолог белого шамана представляет собой авторскую проповедь в защиту добра и справедливости, мира и спокойствия всех людей Земли.

В апокалипсических видениях этого жреца народа современному читателю близка его тревога за сохранение среды обитания человека, глубоко волнует протест против всемирной бойни, надвигающейся в начале века на целые народы планеты. И разве здесь герой поэмы ошибся, предсказывая:

Одна в Европе страна
Особо опасной кажется мне,
От ее устремлений я
Отвожу в смятении взгляд...
Это Германия.

Философское осмысление жизни вообще присуще творчеству Кулаковского. Поэтом владела духовная тревога, но взгляд его на мир отнюдь не пессимистичен. В программных произведениях якутского автора постоянно звучат вопросы: как гармонично развивать культуру небольшого народа, который живет в тесном контакте с большими нациями и объективно испытывает на себе их огромное влияние? Можно ли в таком случае сохранить самобытную индивидуальность? «Передаться Америке, Японии, Китаю? – спрашивал Кулаковский в своем „Письме к якутской интеллигенции“, написанном в 1912 году и, к сожалению, до сих пор не опубликованном. – Нет, этот номер не пройдет. Те нас быстро задавят в

борьбе за существование. Белоглазый, большеносый нучча (т. е. русский. – В. Д.), не говоря уже о даровании православной веры, гораздо ближе нам, милее и родственнее их...» И далее поэт делал вывод: «Единственным рациональным средством является наша культивизация и слияние с русскими...»

Жизненный и творческий путь Алексея Кулаковского говорит о сложности и противоречивости поисков истины на ранних этапах развития национальных литератур страны. Здесь духовные прозрения переплелись с вполне объяснимыми заблуждениями, неустанная просветительская работа, культурное подвижничество сочетается с наивными романтическими порывами.

Поэтому творчество Алексея Кулаковского отнюдь не одномерно, а по-своему глубоко и разнообразно. Его судьба – пример трудного и мучительного осознания правды своего века, выражения национального идеала красоты. Как он сам пророчески писал:

Бурно прожить,
Жадно дышать,
Горечь испить,
Радость вкушать,
Через беды-несчастья
Смело идти —
Вот для чего
Стоит родиться!

* * *

Вышеприведенные строки Кулаковского перевел замечательный русский писатель Владимир Солоухин. Он также находился среди тех, кто в Москве отстаивал наследие Алексея Елисеевича.

Многое, к сожалению, забывается. Якутской молодежи сегодня, я уверен, неизвестны подробности той борьбы, которая шла вокруг их национального наследия. Но эти детали необходимо знать, чтобы такие вещи больше никогда не повторялись в истории.

Очерк Солоухина «Якутия. Ысыах» о Кулаковском написан блестяще. Он состоит из двух частей – первая о том, как автор открыл для себя якутского поэта, как его переводил, а вторая о поездке в Якутию на ысыах. Если первая половина очерка Владимира Алексеевича не устарела со временем, наоборот – доказала свою правоту, то вторая, описывающая казенный характер проведения кумысного праздника в 70-е годы в одном из районов Якутии, лишилась (об этом и мечтал Солоухин) фактической и психологической достоверности. Якуты вернулись, пусть и не в полном объеме, к своей многовековой традиции, и сегодня ысыахи проходят отнюдь не шаблонно и не формально. Они вновь стали народными праздниками.

Поэтому я хочу, чтобы мой скромный литературный портрет А. Е. Кулаковского соседствовал в этой книге с мастерским портретом кисти Владимира Солоухина. Читатель от этого только выиграет.

* * *

Конечно, в конце концов, многое или большинство из многого становится со временем на свои места. Кукольник, которого провозглашали чуть ли не русским Шекспиром, остается все-таки Кукольником; Лейкин, новеллист, соперничавший при жизни по популярно-

сти с Чеховым, остается Лейкиным; родовы и лелевичи, командовавшие в 20-е годы литературой, вполне безвестны, а Булгаков, травимый ими в те годы, остается первоклассным писателем.

Что Лелевич и Родов! Не у таких литературных вершин как бы осаживается высота. Меняется освещение, и при изменившемся свете ничего не остается от бывшей монументальности.

Время – великое дело. Детский воздушный шар можно не мять, не тискать, ни тем более прокалывать, но просто повесить его, привязав к спинке кровати, и, глядь-поглядь, наутро он уже не тянется прилипнуть к потолку, а валяется на полу полуистекший и сморщенный.

Разбуди нас и назови нам подряд имена: Джамбул, Сулейман Стальский, Паша Ангелина, Дуся Виноградова, Стаханов... Как же, как же, ответим мы, – акыны, аиуги, народные поэты, а также, передовики производства.

Или возьмем другой ряд имен: Коста Хетагуров, Абай, Айни, Якуб Колас – уже не акыны и не аиуги, а зачинатели литератур, классики, написавшие многие хорошие книги. Допускаю, что у иного читателя не дошел пока черед насладиться прозой Айни или поэзией Косты Хетагурова, но все равно имена их он слышали знает, ибо пресса, средства массовой информации привнесли эти имена в сознание масс.

Не будем уж говорить о таком ряде имен, как Самед Вургун, Мирзо Турсун-заде, Давид Кугультинов, Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов...

Но пресса, средства массовой информации сильны не только тем, что могут привнести в наше сознание имя и создать ореол вокруг него, но и тем, что по-настоящему прекрасного имени и замечательного явления мы можем не знать, а услышав, признаемся, что слышим впервые.

Точно так и получилось у меня, когда однажды обратился ко мне якутский поэт Семен Петрович Данилов, ныне покойный, а в то время (1975 год) первый секретарь Союза писателей Якутии. Хотя он предложил мне просто так прогуляться по дорожкам парка (в Доме творчества Переделкино), но я сразу понял, что у него ко мне есть дело, а дело у национального поэта и прозаика ко мне могло быть одно: просьба перевести на русский язык его стихи или прозу.

Я ошибся наполовину. Семен Петрович (царство ему небесное и земля пухом) завел разговор действительно о переводе, но не своих стихов, а стал расхваливать мне какого-то якутского классика, просветителя, человека разносторонне талантливого и образованного, и поэта, и этнографа, и языковеда, писавшего в первой четверти нашего века. Как раз и разговор-то клонился к тому, чтобы успеть выпустить однотомник этого поэта к столетию со дня его рождения, к 1977 году,

По своей врожденной, чисто якутской деликатности, Семен Петрович говорил о поэте осторожно, но все же эпитеты «замечательный», «крупнейший», «талантливейший» проскальзывали. Я подивился и высказал свое удивление вслух:

– Но если он зачинатель, основоположник и классик, почему же я впервые слышу его имя? Всех зачинателей во всех республиках как будто знаю, а про Алексея Кулаковского и слыхом не слыхал. Не преувеличиваете ли вы, Семен Петрович, дарование и значение своего соплеменника?

– Что привычные имена! Алексей Кулаковский был настоящий поэт и просветитель. А то, что никто не знает... конечно, и мы, якуты, виноваты, но, надо сказать, так уж сложилась судьба.

– Не хотите ли вы сказать, что он впервые будет переведен на русский язык?

– Именно. И я прошу вас, чтобы переводчиком были вы.

Сначала я все приписал своему невежеству: разве все прочитаешь! Но тотчас я начал проводить эксперимент и в Доме творчества писателей, и позже в Центральном доме литераторов. Я останавливал то одного, то другого коллегу и без всяких предисловий спрашивал, кто такой Алексей Кулаковский. Мои коллеги пожимали плечами и говорили, что это имя им неизвестно.

Тогда я скорее отыскал Семена Данилова и попросил, чтобы он немедленно дал мне рукопись Кулаковского для ознакомления, а затем и для работы над ней.

Признаюсь, что я не с первых же минут вчитался в стихотворную речь якута, вернее сказать, не сразу почувствовал и постиг ее своеобразную, неизъяснимую прелесть. Мало было войти в этот новый для меня мир, весьма и весьма непривычный, мало было оглядеться в нем холодным, пусть и опытным взглядом, надо было в нем освоиться, побыть наедине, помолчать, а потом снова возвратиться к собеседнику уже не случайным зашельцем, но другом и, вот именно, собеседником.

Мгновенному погружению в мир якутской поэзии мешало и то, что в подстрочных переводах (хотя они были выполнены превосходно) отсутствовало богатство аллитераций, на которых держится якутское стихосложение, а сама конструкция образов, с их развитием по спирали, с их разветвлениями и вариациями (притом, что каждая последующая вариация обогащает предыдущую, отсюда и впечатление спирали), не сразу улавливалась в грудях подстрочника, как в грудях бревен (если это разобранный дом) не сразу разглядишь и угадаешь пропорции и красоту того, что разобрано и что предстоит снова собрать, отделать, навести косметику и вписать в ландшафт.

Помню, когда начал читать, скользя по поверхности, как по тонкому льду (а глубина вся под этим ледком), то первая зацепка, первое ощущение полноправной реки под ровной, гладкой пленкой произошло у меня на стихотворении «Красивая девушка».

Конструкция стихотворения (в подстрочном изложении) разворачивалась таким образом:

*Если прямо перед нею сидеть
и два часа непрерывно глядеть,
ни на палец не отодвигаясь,
никаких недостатков у нее не увидишь.
Если рядом сбоку сидеть
и шесть часов непрерывно глядеть,
ни на четверть не отодвигаясь,
никаких недостатков у нее не увидишь.
Если рядом сзади сидеть
и десять часов непрерывно глядеть,
ни на шаг не отодвигаясь,
никаких недостатков у нее не увидишь...*

Как будто буквальное повторение трех стихотворных строф, но все же каждая строфа привносит свое, варьирует, идет дальше. Прямо перед красивой девушкой сидеть и на нее смотреть, сбоку сидеть и смотреть, сзади сидеть и смотреть, два часа смотреть, шесть часов, десять, ни на палец не отодвигаясь, ни на четверть, ни на шаг...

И потом этот якут, сидящий перед красотой два часа, шесть, десять и созерцающий ее не шевелясь (не отодвигаясь), сначала с этой стороны, потом с этой стороны, потом с этой как-то очень трогательно представился мне. В сочетании со строгостью конструкции трех строф это и привело к тому, что ледок проломился, и с этой минуты я все больше и глубже погружался в реку поэзии Кулаковского.

Оглядев девушку с трех сторон, поэт бросает считать часы и говорит просто:

*Если долго сидеть
и оглядеть ее всю с головы до ног,
оказывается...*

Дальше идут девять строф, рассказывающие о том, что же оказывается.

Темные шелковые косы, длиною в семь четвертей; два камчатских соболя, сходящиеся головами у переносицы; ресницы, которые загибаются вверх; глаза такие сияющие, что похожи на солнце; щеки такие круглые, что похожи на серебряные рубли; щеки такие румяные, что похожи на золотые червонцы; зубы такие ровные, словно их нарочно ровняли; губы такие яркие, словно они нарисованы.

Перечислив внешние черты, поэт переходит к более сложным сравнениям, хотя и оговаривается, что не знает ни равных ей, ни даже похожих. В несколько упрощенном пересказе этот ряд строф выглядит так:

*Если сравнить ее с молодой гусыней,
резвящейся в весеннем небе,
то, пожалуй, обидится и скажет:
«Вот еще,
сравнил меня с птицей,
набивающей желудок червяками да улитками».*
*Если сопоставить ее со стерхом,
что сверкает белым опереньем,
то, пожалуй, рассердится и скажет:
«Вот еще,
сравнил меня с белой птицей,
набивающей желудок лягушками да тварями».*
*Если соотнести ее
с певчей синичкой, с маленькой хлопотуньей
то, пожалуй, капризно скажет:
«Вот еще,
сравнил меня с глупой птичкой,
набивающей желудок комарами да мошками».*

Сравнения с рысью и с соболем тоже, по предположению поэта, не удовлетворили бы красавицу, ибо: «рысий мех повсюду продают на базаре, и носит его каждый, кому не лень», а «собольи шкурки вытираются и лысеют на воротниках у якуток».

После еще нескольких композиционных витков, в которых содержится всяческое восхваление и восхищение красивой девушкой, стихотворение вступает в стадию апофеоза, но вовсе не крикливого, не помпезного, а столь же рассудительно-спокойного. Поэт рассказывает, наконец, как же появилась на свете, откуда же взялась такая красавица. Эти заключительные строфы я приведу в готовом, обработанном виде, то есть, что называется, в переводе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.